

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ МАНИФЕСТ

ЭМЕРИ РИВЗ

Перевод с английского Сергея Прокопова

Все замечания по адресу: sergeiprokopov@gmail.com

Вёрстка в X_YTEX (TEX Live 2023) в системе Windows.

Текст набран шрифтом Adobe Garamond Premier Pro 16.5/19pt.

Дата: 12 ноября 2023 г.

Оглавление

I	<i>Люди или принципы устройства</i>	7
II	<i>Свобода</i>	19
III	<i>Либерализм</i>	27
IV	<i>Нация</i>	39
V	<i>Национализм</i>	47
VI	<i>Суверенитет</i>	63
VII	<i>Мир</i>	73
VIII	<i>Война</i>	87
IX	<i>Невмешательство</i>	95
X	<i>Нейтральность</i>	101
XI	<i>Независимость</i>	107
XII	<i>Взаимозависимость</i>	113
XIII	<i>Принуждение</i>	121
XIV	<i>Агрессия</i>	127
XV	<i>Превентивная война</i>	135
XVI	<i>Утопия</i>	141
XVII	<i>Принципы и институты</i>	151

Диалог Конфуция (Учителя) и Цзы-лу

(КОНФУЦИЙ: «ЛУНЬ ЮЙ», ГЛАВА XIII, 3)

Цзы-лу спросил:

— Вэйский правитель намеревается привлечь вас к управлению государством. Что вы сделаете прежде всего?

Учитель ответил:

— Необходимо начать с исправления имен.¹

Цзы-лу спросил:

— Вы начинаете издаেকে. Зачем нужно исправлять имена?

¹Цзы-лу служил у вэйского правителя Чу Гун-чжэ, который намеревался привлечь на службу и Конфуция, приехавшего в Вэй из Чу. Поэтому Цзы-лу стал расспрашивать Конфуция о том, что он сделает прежде всего, если вэйский правитель возьмет его на службу. Исправление имен в соответствии с действительностью (чжэн мин) — один из основных элементов социально-политической теории Конфуция. Смысл учения об исправлении имен состоит в том, что социальная роль каждого члена общества должна быть не номинальной, а реальной. Это значит, что государь, чиновник, отец, сын должны не только так называться, но и обладать всеми качествами, правами и обязанностями, вытекающими из этих названий. Появление учения об исправлении имен было вызвано серьёзными социально-политическими изменениями в китайском обществе, в результате которых название социальных ролей не соответствовало качествам, реальному положению или поведению их исполнителей. Так, вэйский правитель Чу Гун-чжэ, к которому приехал Конфуций, не был законным правителем, поскольку управление Вэй завещалось Лин-гуном не ему, а Ину — сыну Лин-гуна.

Учитель сказал:

— Как ты необразован, Ю! Благородный муж проявляет осторожность по отношению к тому, чего не знает. Если имена неправильны, то слова не имеют под собой оснований. Если слова не имеют под собой оснований, то дела не могут осуществляться. Если дела не могут осуществляться, то ритуал и музыка не процветают. Если ритуал и музыка не процветают, наказания не применяются надлежащим образом. Если наказания не применяются надлежащим образом, народ не знает, как себя вести. Поэтому благородный муж, давая имена, должен произносить их правильно, а то, что произносит, правильно осуществлять. В словах благородного мужа не должно быть ничего неправильного.

I

Люди или принципы устройства

Спустя двадцать лет после полного и решительного разгрома автократических и милитаристских принципов устройства и государств мир подвергается теперь величайшему в истории натиску тех же автократических, милитаристских сил. Спустя двадцать лет после величайшей победы демократических принципов устройства и демократических наций демократия по всей линии находится в обороне. Все демократические нации континентальной Европы покорены и завоеваны. Две самые могущественные единицы мира — Британское Содружество Наций и Соединенные Штаты Америки — вынуждены мобилизовать все свои ресурсы, чтобы защитить себя и избежать поражения и завоевания теми самыми антидемократическими силами, которые были повержены ими двадцать лет назад.

Что произошло за эти двадцать лет?

После победы в 1918 году демократические, свободолюбивые нации получили полный контроль и абсолютную власть на этой планете. Те силы, которые угрожали безопасности и спокойствию демократий, были не сильнее тех немногих преступников, которые всегда угрожают личной безопасности и общественному порядку внутри организованного государства.

Все стремились к миру. Все требовали разоружения. Все хотели расширенной свободы международной торговли. Все хотели лучшей организации международной экономической жизни, чтобы обеспечить каждой нации и каждому отдельному человеку больше благосостояния и большую безопасность, чем когда-либо прежде. Технические достижения, казалось, сделали все эти надежды реальностью. Несмотря на тот факт, что силы, поддерживавшие эти устремления, были десять к одному — может быть, пятьдесят к одному — против тех, кто выступал против них, начиная с 1930 года, год за годом, месяц за месяцем, мы неуклонно шли к увеличению вооружений, обострению антагонизма, большей бедности, сокращению торговли, к нетерпимости, гонениям, диктатурам, империализму — ко Второй мировой войне.

Молодой человек, все образование которого было основано на надеждах 1920-х годов и который внимательно следил шаг за шагом за событиями, приведшими ко Второй мировой войне, с трудом может понять это сбивающее с толку развитие событий, если только он не был полностью введен в заблуждение разлагающей пропагандой движения демагогических масс. Как бы он ни размышлял, ему, похоже, ничего не остается, кроме как признать, что он ничего не понимает в этом мире, и вспомнить слова, которые он выучил в школе — слова, произнесённые шведским канцлером Оксенштерна, когда он посылал своего сына в 1648 году в качестве полномочного министра в Вестфалию: «Ты увидишь, сын мой, с какой малой мудростью управляется этот мир». Он должен со страхом спросить себя: *Где* хотя бы эта мельчайшая часть мудрости, с которой мир должен управляться?

Самый простой способ объяснить этот быстрый и почти катастрофический упадок демократий за короткий период между 1920 и 1940 годами — это обвинить некоторых государственных деятелей, допустивших величайшие ошибки. Нам нравится обвинять в неэффективности либеральные режимы Нитти и Факта за приход Муссолини, и в слабости Веймарскую республику — за приход Гитлера. Раньше мы обвиняли Лоджа, Бору, Рида и других сенаторов-изоляционистов в торпедировании Лиги Наций ещё до её создания. Мы осуждали Клемансо, Пуанкаре и других французских националистов за то, что они мешали укреплению демократии в Германии. Мы считаем сэра Остина Чемберлена и тори в Англии ответственными за провал Женевского протокола. Мы считаем, что Макдональд, Болдуин и Хендерсон несут ответственность за разоружение и слабость Британии. Мы считаем, что в провале «восточного Локарно» виноваты Пилсудский и Бек. Мы обвинили сэра Сэмюэля Хора и Пьера Лаваля в предательстве Эфиопии и саботаже Лиги. Мы думаем, что Невилл Чемберлен, Даладье и Жорж Бонне — люди, совершившие мюнхенское преступление. Мы привыкли обвинять Леона Блюма и Пьера Кота в том, что они несут ответственность за слабость французских вооружённых сил. И мы обвиняли Чарльза Линдберга, сенатора Уилера, Ная, Джонсона и других в американском изоляционизме и в том, что они сделали невозможным адекватную подготовку Соединенных Штатов к отражению нападения.

Все эти персональные ответственности обоснованны, но только до определённой степени. Они не могут объяснить железную логику событий, которые имели место в этот странный период между двумя мировыми войнами. Они не

могут дать объяснения, потому что очевидно, что ни один из этих государственных деятелей не был в состоянии контролировать события или руководить своей страной. Их контролировали и возглавляли более крупные силы. Некоторые примеры доказывают это. Когда общественное мнение в Англии и Франции восстало против политики Хора и Лавалья в эфиопском конфликте, их сменили сильнеешие противники — Энтони Иден и Ивон Дельбос. Вскоре после эфиопского инцидента возник ещё один конфликт тех же сил — испанская «гражданская война». И в этом конфликте, вызвавшем самые сильные международные последствия, Иден и Дельбос совершили точно такие же ошибки, за которые они так яростно осуждали своих предшественников, и решили эту новую проблему точно так же, как справились бы с ней Хор и Лаваль. Таких примеров можно привести бесчисленное множество.

Бесспорно, что человеческие качества лидеров демократии в период между двумя войнами несопоставимы с качествами их предшественников девятнадцатого века. Если бы какое-либо частное предприятие управлялось так, как в последние годы управлялись великие демократические нации, руководители этого предприятия, безусловно, были бы уволены.

Похоже, что таков закон в истории великих наций или великих семей, что через определённое время возникает поколение, которому недостает тех качеств, которые необходимы для эффективного лидерства и непрерывного прогресса. Обычно это время, когда такие семьи и такие народы переживают упадок. Это трагический симптом, который возникает периодически и может быть преодолен только при помощи привнесения свежей крови.

Какими бы слабыми ни были государственные деятели демократических наций, они вовсе не были преступниками и слабоумными, как думает общественное воображение, судя о них по всем тем ошибкам, которые отождествляются с их именами. Длинная череда поражений, постепенное скатывание от мирового господства к подчинению, конечно, не могут быть адекватно объяснены недостатком искусства управлять государством у наших лидеров, не важно в какой мере они несут ответственность.

Другая школа мысли заставит нас поверить в то, что это изменение направления в истории человечества было вызвано великими динамическими силами, представленными нацистскими, фашистскими и другими тоталитарными движениями во всем мире. Они говорят, что Гитлер и Муссолини — тираны, страдающие манией величия, милитаристы, безжалостные демагоги, и что они и их шайки несут ответственность за беды и несчастья мира.

Каким бы очевидным и простым ни казалось такое объяснение, оно не выдерживает пристального рассмотрения.

Демократии были чрезвычайно могущественны, когда эти движения были начаты несколько лет назад ограниченным числом людей. Эти движения можно было бы остановить и уничтожить в бесчисленных случаях, затратив минимум стараний, энергии и силы. Ни одна демократия не смогла или не захотела этого сделать, хотя эти антидемократические силы никогда не предпринимали никаких попыток скрыть свой характер, свои программы и свои цели.

Обвинять нацистов или фашистов в единоличной ответственности за эту войну — всё равно что обвинять бактерию туберкулеза в том, что она вызывает туберкулез.

Конечно, это так. Это её единственная и неизменная за-

дача.

В течение многих лет мы знали о том, что делает вирус фашизма в крови нации, точно так же, как мы знаем, что делает бактерия туберкулеза с того момента, как она начинает развиваться в легких человека. Но если человек, инфицированный туберкулезом, отказывается бороться с ним, грубо и умышленно игнорирует советы своего врача и позволяет бактерии поразить весь свой организм, то нельзя сказать, что его смерть была вызвана бактерией. Его смерть была вызвана скорее отсутствием у него собственной воли и способности бороться с этой бактерией.

Много лет назад нацисты и фашисты объявили, что они хотят уничтожить демократический образ жизни, христианскую религию и все формы индивидуальной свободы. Они осудили спокойствие и миролюбие, а также провозгласили войну естественным образом жизни.

Они воспитывали свою молодёжь на строго милитаристской основе. Они хотели готовиться к захватническим войнам и вести их, считая историческим законом, что сильные нации должны завоевывать более слабые и править ими.

Ввиду того факта, что эта программа открыто провозглашалась в течение многих лет, что она повторялась в речах и на бумаге и то, что она была гласно и стремительно приведена в действие, невозможно в разгар этой мировой борьбы заявить, что ответственность лежит только на Гитлере. Он был смешным, жалким, неэффективным ничтожеством, когда впервые провозгласил свою программу, но великие демократии позволяли ему становиться всё сильнее и сильнее, пока он не стал настолько могущественным, что бросил вызов всему человечеству.

Нет, Гитлера нельзя считать единственным ответственным

ным за эту мировую катастрофу. Он следует своему призванию. Он является инкарнацией зла, которое Провидение время от времени порождает, чтобы напомнить человеку, что спокойствие, свобода, счастье, терпимость, братство, прогресс, права человека, более того, даже право на существование — это не естественные дары природы, а плоды многовековой напряженной борьбы, достигнутые только путём борьбы, необходимой для сохранения этого наследия.

Почти каждый день мы слушаем ораторов или читаем статьи и книги комментаторов и политических обозревателей, выражающих сожаление по поводу длинной череды неудач, допущенных демократическими государствами за последние годы. Эти критики говорят: «Если бы только сэр Джон Саймон выступил против японцев в Маньчжурии... Если бы только Великобритания и Франция применили санкции против Италии, чтобы остановить её агрессию в Эфиопии... Если бы только правительство Народного фронта во Франции в достаточной степени поддержало республиканцев в Испании... Если бы только та или иная нация, если бы только тот или иной государственный деятель сделал то или это...».

Всё это, очевидно, верно. Несомненно, что если бы демократические державы были готовы пожертвовать 5 000 солдат в Маньчжурии, 10 000 солдат, чтобы спасти Эфиопию, 20 000 солдат, чтобы помешать немцам и итальянцам установить марионеточный режим в Испании, если бы они были готовы рискнуть 50 000 солдатами, чтобы предотвратить оккупацию Австрии, тогда два или три года спустя Британской империи и Соединенным Штатам не потребовалось бы мобилизовывать всю свою мужскую силу, от 18 до 65 лет,

и тратить сто миллиардов долларов или больше в год на вооружение.

Но, несмотря на все эти «если бы только...», несмотря на множество условных аргументов, фактом остается то, что ни одна демократия никогда не была в состоянии или не желала предпринять шаг, который мог бы предотвратить катастрофу. Почему?

Во многих случаях демократические власти могли эффективно действовать в нужный момент, но ни одна из них этого не сделала. Почему?

В ответе на этот вопрос, в точной оценке последних двадцати лет остается единственная надежда на лучшее будущее. Очевидно, что истинная причина катастрофы и невозможности её остановить должна лежать глубже, чем просто в неудаче определённых людей или определённых правительств.

В своём гневе и беспомощной злости мы называем Гитлера и его соратников «уголовниками», «преступниками», «гангстерами». Но имеем ли мы право употреблять такие громкие слова?

Что такое «преступник»?

Нет другого возможного определения преступника, кроме того, что это человек, который нарушает какой-то существующий закон, принятый сообществом.

Но где же были законы, которые по общему мнению нарушил Гитлер? Были ли мы когда-либо готовы принять международное законодательство, чтобы его условия были обязательными для исполнения, а его нарушение можно было бы назвать преступлением? Таких законов никогда не существовало, и великие демократии отказались принимать их, когда у них была возможность устроить новый

мир. Они отказались принимать какой-либо международный порядок, отличный от старого, созданного соглашениями и договорами между суверенными нациями. Такие соглашения и договоры не могут рассматриваться как законы, если только одна из сторон не готова применить силу, когда другая сторона их нарушает.

Но была ли какая-либо из демократических стран готова наказать Германию, Италию или Японию за нарушение тех примитивных законов, которые установлены международными договорами? Всякий раз, когда такой договор нарушался в одностороннем порядке, законопослушные демократии всегда быстро мирились со *свершившимся фактом* [*fait accompli*]. И с чисто моральной точки зрения трудно сказать, что является большим преступлением — нарушать закон или мириться с подобным нарушением.

В любой сфере жизни — в частной жизни, в семейной жизни, в деловой жизни — единственным признанным правильным способом ведения дел является продуманное, хорошо спланированное действие, которое выходит за рамки просто возможных преимуществ, выгодоприобретений и комфорта в течение следующих пяти минут после совершения действия. Любое частное лицо, любой бизнесмен, глава любой семьи должен вести свои дела таким образом, чтобы никакое событие, которое может произойти завтра или послезавтра, не застало его врасплох, неподготовленным и полностью растерянным.

Только в общественной жизни требуется, чтобы государственные деятели и правительства не выходили за рамки рассмотрения сиюминутных проблем настоящего. От них требуется ограничивать свои мысли и действия самыми неотложными и неизбежными вопросами дня, незави-

симо от того, выгодны или невыгодны нации подобные *для этого случая* [*ad hoc*] решения сиюминутных проблем, рассматриваемые не только с точки зрения дня действий, но и в перспективе нескольких лет, или даже всего на несколько месяцев.

Во всех других сферах жизни мы называем такое ведение дел беспечным и легкомысленным. В политике мы называем это «реалистичным».

В любой сфере жизни метод ведения дел, который выходит за рамки событий, которые могут произойти в последующие годы, мы называем мудрым и дальновидным. В государственных делах мы называем это «нереалистичным» и «утопическим».

Демократии были принуждены своими врагами и сбитами с толку лидерами к принятию этого софизма, который пытается убедить нас в том, что реалистичная политика — это не политика, которая создаёт реальности, а политика, которая в любой данный момент склоняется перед реальностями, созданными другими.

Полный хаос, в который сегодня погрузилось всё человечество, является результатом полного разрушения всех моральных и духовных ценностей, выработанных историей. После многих тысячелетий религиозного, морального, социального и политического прогресса мы снова очутились в мире столь же странном, столь же ненадежном, столь же неизведанном, в каком, должно быть, Адам очутился после своего изгнания из Эдемского сада.

Нет другого выхода из этой неразберихи, кроме как начать всё сначала. Мы должны тщательно изучить все те элементарные принципы, на которых строится наша социальная и политическая жизнь. Существует около двадцати та-

ких элементарных, базовых представлений, значение которых настолько запутано, что никто больше не знает, в чем их точное значение, как они влияют, в какой форме их можно применять и как с ними нужно обращаться. Мы должны начать с того, с чего, по словам Конфуция, должна начинаться любая государственная деятельность: чтобы придать словам, которые мы используем, их точное и безошибочное значение.

Если мы проанализируем эти элементарные принципы демократического порядка, мы увидим, что толкование, данное им нашими существующими основными законами, законодательством, правилами и обычаями, совершенно неадекватно, что в большинстве случаев они полностью противоречат самой сути этих принципов, и что мы позволяем идеалам, которые всегда были самой мощной движущей силой человеческого прогресса, и развитию вырождаться в бессмысленные слова, лишённые какого-либо содержания.

Мы увидим, что «демократический порядок», который мы хотим защищать, больше вообще не является демократическим порядком — это всего лишь *первая попытка* к нему, предпринятая в конце восемнадцатого века и опирающаяся на условия и соображения восемнадцатого века.

Полное отсутствие какой-либо реакции на Атлантическую хартию, полное отсутствие энтузиазма, с которым она была воспринята в демократических странах, доказывают, что у народов есть неосознаваемое чувство нереальности этого прежнего порядка.

Исследование реального значения этих основных принципов социальной и международной жизни раскроет, что нет демократического порядка, который нужно защищать,

но *есть* демократический мировой порядок, который нужно *создавать*.

Верная интерпретация этих принципов, понимание их взаимного влияния дают нам единственно правильный диагноз загниванию того порядка, который был установлен в 1919 году и который должен был стать базисом мира, «безопасного для демократии». Такой диагноз причин нынешнего хаоса сам по себе на 90 процентов состоит из терапевтических мер, необходимых для организации демократического мира, основанного на экономических, социальных и политических реалиях, какими они представляются в середине двадцатого века.

II

Свобода

Великим двигателем человеческой истории является борьба за свободу. Практически все войны велись за свободу. Все революции начинались ради свободы. Все человеческие начинания в научной, экономической и технической областях проистекают из стремления к большей свободе. Идея свободы лежит в основе практически всех идеалов в политической и социальной сферах, за которые люди борются сегодня, точно так же, как они боролись на протяжении тысячелетий. И всё же ни одно представление не создало большей путаницы, чем идея свободы.

Что такое свобода на самом деле, мы до сих пор не знаем, и она широко открыта для интерпретации. Эти различные интерпретации понятия «свобода» являются причиной той неразрешимой путаницы, в которой различные нации, различные идеологии, различные партии и различные классы ожесточенно противостоят друг другу. Каким бы трудным это ни казалось, мы должны постараться как можно яснее определить, что такое свобода, если мы хотим использовать это понятие так, чтобы мы могли приблизиться к нему, а не делать его непригодным.

К сожалению, мы привыкли при обсуждении политических, социальных и религиозных принципов пользоваться

диалектическим методом. У нас пока нет лучшего, более абстрактного и более научного метода исследования и обсуждения.

Этот диалектический метод, который мы обнаруживаем уже очень развитым в трудах греческих философов, оперирует противоположностями, антитезисами. Мы говорим, что свобода — это антитезис принуждению, что мир — это антитезис войне, что независимость — это антитезис обязательствам и так далее. Чтобы понять, насколько опасно идти по этому пути, мы должны помнить, что этот диалектический метод философии, после его наивысшего выражения в диалогах Платона, привел прямоком к софистической школе.

Если мы рассмотрим все эти представления, на которых основано каждое противоречие по политическим и социальным проблемам, мы легко увидим, что то, что мы считаем противоположными концепциями, на самом деле находится на одном уровне и в разной степени выражает идентичные проявления.

Свобода без равенства — непостижимое положение дел. Поскольку равенство между людьми, нациями или между любыми другими человеческими объединениями явно противоречит природе — оно никогда не существовало и, вероятно, никогда не будет существовать — свобода в её чистом и полном понимании привела бы к положению дел, которое было бы точной противоположностью любому виду свободы.

Если бы мы дали каждому человеку — сильному и слабому — и каждой нации — большой и малой — полную свободу действий, не налагая никаких ограничений на их побуждения, это привело бы к величайшему террору, угне-

тению, насилию — к полной анархии.

Таким образом, очевидно, что тот вид свободы, который мы рассматриваем как человеческий идеал, является своего рода синтезом между свободой и принуждением. Тот факт, что какая-то внешняя сила запрещает мне убивать человека, который мне не нравится, или отбирать собственность у тех, у кого её больше, чем у меня, значительно ограничивает мою свободу. Но то же самое ограничение защищает меня от убийства теми, кто меня не любит, и от ограбления теми, кто завидует тому, чем я владею. У меня определён-но есть ощущение, что защита от убийств и краж *усиливает* мое чувство свободы в большей степени, чем то, насколько то же самое ограничение *лишает* меня свободы, запрещая мне совершать те же действия в отношении других.

Эту очень простую и очевидную взаимосвязь можно было бы проиллюстрировать любым количеством примеров. Но независимо от того, сколько примеров мы можем привести, представляется очевидным, что свобода и принуждение имеют функциональную взаимосвязь и не могут рассматриваться как противоположности. Таким образом, идеал свободы, как мы его понимаем, является совершенно относительным представлением, зависящим от двух факторов: во-первых, от того, в какой степени человек может действовать свободно; и, во-вторых, в какой степени он подвергается свободным действиям других. Только при правильном синтезе этих двух факторов может быть достигнут наилучший вариант и мы сможем добиться такого положения дел среди людей, которое можно было бы назвать свободой.

Эта тесная взаимосвязь между свободой и принуждением в социальной жизни людей была признана в самом на-

чале нашей цивилизации. Самые примитивные формы социальной жизни начинались с запрета определённых действий. Основанием христианской религии являются Десять заповедей, чётко устанавливающих десять действий, которые «Ты должен...» или «Ты не должен...».¹

Таким образом, мы можем утверждать, как бы парадоксально это ни звучало, что свобода в истории человечества началась с первого законного введения принуждения.

Эти первоначальные и вековые принуждения были ограничены теми самыми примитивными импульсами людей, запрет которых, очевидно, подразумевает больше свободы для общества, чем их свободное осуществление.

От Десяти заповедей до самого запутанного законодательства наших дней существует одна четкая линия: только посредством юридических ограничений свободного проявления человеческих импульсов мы можем достичь состояния дел, которое мы можем назвать «свободой».

В социальной жизни это самоочевидно, и никто, кроме анархиста, не стал бы притворяться, что законы, запрещающие убийство, кражу, лжесвидетельство, подделку чеков или перерасход денег с банковского счёта, являются законами, противоречащими принципу свободы. Мы все знаем, что с прогрессом цивилизации наша социальная жизнь становится всё более и более сложной, и что эта эволюция требует всё большего и большего принуждения по отношению к человеческим действиям, и что только совокупность

¹Здесь переведено дословно, для сравнения приводится оригинальный текст автора: «... *“Thou shalt...” or “Thou shalt not...”*». В английских вариантах перевода Библии используются именно эти фразы в тексте Десяти заповедей, в русских же переводах такие дословно переведённые фразы отсутствуют. — Прим. переводчика.

этих принуждений может дать нам свободу.

Крайне важно чётко понимать взаимозависимость между свободой и принуждением, если мы хотим решить все те многочисленные политические, экономические и международные проблемы, с которыми мы сталкиваемся.

Особенность заключается в том, что эта взаимозависимость между свободой и принуждением, которая является вековым опытом нашей социальной жизни и которая на протяжении всей нашей истории была базовым принципом великих законодателей и основателей религии — дабы привести некоторую систему в социальные взаимоотношения между людьми и создать максимально возможную индивидуальную свободу — до сих пор не принята и не признана в качестве базового принципа в политической сфере и в международных отношениях между нациями.

В этих двух важных сферах, в которых бушует нынешний кризис, мы по-прежнему утверждаем, что свобода и принуждение противоречат друг другу, что всякое принуждение противоречит принципу свободы и что установленные свободы могут поддерживаться только без какого-либо принуждения. Отсюда и анархическая ситуация, в которой мы живем.

Демократические страны провозгласили великим историческим достижением свободу слова, свободу печати, свободу собраний и многие другие политические свободы, которыми в равной степени должны пользоваться все граждане. Эти свободы были предоставлены без каких-либо ограничений и без какого-либо чёткого определения, без каких-либо запретов, в результате чего в большинстве стран свобода слова, свобода прессы, свобода собраний и все другие свободы были уничтожены только и исключительно по-

тому, что эти свободы были предоставлены в абсолютной форме, в уверенности, что любой запрет или принуждение будет противоречить принципам предоставленных свобод.

Тот факт, что во многих странах в нашем поколении эти свободы, столь дорого оплаченные веками борьбы за них, были уничтожены только и всецело свободой действий этих демократических привилегий, предоставленных врагам свободы, является достаточным доказательством того, что провозглашённые в своей абсолютной форме эти свободы не гарантируют свободы.

Нет никакого смысла в том, что свободная и демократическая страна должна предоставлять каждому неограниченную свободу и все демократические средства для борьбы со свободой и демократией как таковыми. Демократы-доктринёры считают, что такое условие присуще принципам демократии, и предоставление свобод в разной степени разным людям противоречит этим так называемым, но так и не обозначенным демократическим принципам. Это очень простая и самоочевидная точка зрения, если мы используем представление о том, что свобода и принуждение противоположны. Но такой образ мышления в корне ошибочен. В общественной жизни нации взаимоотношение между свободой и принуждением точно такое же, как и в социальной жизни, и будем ли мы пользоваться политической свободой или нет, будет полностью зависеть от правильного толкования этих принципов.

Проблемы, касающиеся международных взаимоотношений народов, носят точно такой же характер. Основываясь на абсолютной концепции свободы, мы пришли к концепциям национальной независимости и национального суверенитета как высшим проявлениям свободы государства в

его взаимоотношениях с другими государствами. Мы считаем, что любое ограничение этих абсолютных концепций суверенитета и независимости противоречило бы идеалу свободы нации. Именно благодаря этой концепции абсолютной свободы на международной арене создавалась такая же анархическая ситуация, какую абсолютная свобода создала бы в социальной жизни любого сообщества — так много наций подверглось нападениям, потерпело поражение и завоевано, при использовании грубой силы в качестве единственного арбитра между нациями, и сотни миллионов людей снова стали рабами.

III

Либерализм

Политической мыслью, которая пыталась воплотить в реальность идеалы свободы в социальной жизни, был либерализм. Либеральные идеи были ядром программ, которые привлекли наиболее влиятельные силы в конце восемнадцатого века одновременно в Соединенных Штатах, в Англии и во Франции. Конституция Соединенных Штатов, Французская революция и начало современного индустриализма в Англии придали огромный импульс этим идеям, и прогрессивные элементы всех демократических стран были объединены в политические партии, целью которых было организовать государственную и экономическую жизнь на основе индивидуальной свободы, защищать независимость наций и создавать как можно более широкую свободу для международного обмена.

Теперь либеральные партии повсеместно находятся в упадке, их влияние исчезает, а власть ослабевает.

Поражение либеральных партий — это в высшей степени экстраординарное явление. На это есть две причины. Первая, довольно парадоксальная, — это принятие либерально-демократических принципов почти всеми остальными политическими партиями в демократических странах. В Англии и Консервативная партия, и Лейборист-

ская партия стали «либеральными». Таким развитием событий они лишили Либеральную партию главных аргументов. Такие же постепенные изменения можно наблюдать и во всех других демократических странах. И Демократическая, и Республиканская партии в Соединенных Штатах являются «либеральными».

Второй причиной упадка либеральных партий является не менее парадоксальный факт, что они автоматически становились антилиберальными, превращаясь во всё более и более доктринерские партии с конкретными и жёсткими программами, которые они защищали с наибольшим либеральным фанатизмом. Эта реакционная тенденция либеральных и радикальных буржуазных сил находится в полном противоречии с первоначальными идеями либерализма, нацеленными на политическое и социальное освобождение индивидуума для того, чтобы открыть каждому человеку и каждой нации свободный путь к эволюции.

Если мы изучим политические взгляды и партии демократических стран, независимо от того, есть ли в стране только две или три партии, или двадцать или тридцать различных партий, мы можем разделить все эти явно расходящиеся программы и партии на две группы, в которые мы можем включить все существующие и возможные политические взгляды.

В первую группу мы можем отнести все те партии, движения и группы, которые верят в осязаемую, чётко проработанную программу. С этой точки зрения революционные и реакционные партии принадлежат к одной и той же группе. Между ними нет никакой разницы ни с политической, ни с теоретической точки зрения, за исключением фактора времени. Программа наших нынешних консервативных

партий была революционной двести лет назад, а программа наших нынешних революционеров, если они её осуществят, будет реакционной сто лет спустя. Те принципы и программы, которые сегодня горячо отстаиваются Республиканской партией в Соединенных Штатах, консерваторами в Англии и правыми буржуазными кругами во Франции, считались революционными до Американской и Французской революций, а их сторонники считались опасными элементами в государстве, многие из них казнены как таковые.

С другой стороны, Коммунистическая партия и коммунистическая программа, которые мы считаем наиболее революционными силами нашего времени, становятся консервативными, как только они создаются. Каким бы ни было наше мнение о коммунизме, режим Большевистской партии в России является прототипом консервативного режима. Они самым фанатичным образом придерживаются конкретной и устоявшейся системы, защищая её всеми средствами. Они не терпят никаких противоположных взглядов, и любого, кто открыто пытается что-либо изменить в существующем устоявшемся порядке, ждет та же участь, что постигла либералов при самодержавии, и участь, с которой сталкиваются сами коммунисты во многих демократически-капиталистических странах.

Ко второй категории мы можем отнести все такие партии и политические движения, которые не верят в совершенство какой-либо закрытой системы и обстоятельной программы, будь то уже существующие или планируемые к созданию, но которые верят в постоянный прогресс, в необходимость постоянных изменений в социальных, политических и экономических институтах для того, чтобы адаптировать их к реалиям в каждый данный момент времени.

Этого убеждения придерживались различные либеральные и радикальные партии с момента их зарождения.

История подтверждает, что эта вторая политическая концепция ближе к реальности, поскольку мы не можем проследить в прошлом ни одну политическую или социальную систему, которая была реализована в её чистом и целостном виде, и мы не можем обнаружить ни одного периода, в течение которого не происходили бы изменения.

Согласно принципам либерализма, должна существовать свобода слова, свобода собраний, свобода прессы, свобода голосования, право избирать представителей. Эти свободы были предоставлены всем, и знаменитые слова Вольтера: «Я полностью не одобряю то, что вы говорите, и буду до смерти защищать ваше право говорить это», — были самоочевидны.

Такое положение дел, предоставляющее каждому человеку полную свободу слова, свободу печати, свободу собраний и предоставляющее каждой ассоциации и партии полную свободу деятельности и представительства в парламенте, является логическим результатом триумфа идеалов Французской и Американской революций и британских реформ.

К сожалению, в этой концепции не учитывался только один элемент — элемент Человека. Её теории и институты были основаны на абстракции «*homo democraticus*» точно так же, как либеральная школа экономической мысли была основана на абстракции «*homo economicus*». Эти абстракции довольно хорошо работали в теории и на практике до тех пор, пока широкие массы нового либерально-демократического порядка ощущали только преимущества новой эры по сравнению с *дореволюционным режимом* [*ancien*

régime], который всё ещё был жив в их воспоминаниях.

Но как только экономическая и политическая эволюция породила один кризис за другим, одну крупную войну за другой; как только стало ясно, что либерально-демократические системы в том виде, в каком они были созданы, не могут решить проблему распределения и могут лишь частично решить проблему производства; как только стало очевидно, что повышение уровня жизни после установления либерально-демократического режима не было постоянным; как только политические и националистические силы вмешались в свободный товарообмен и миграцию, целые классы и нации не увидели дальнейших шансов на улучшение почвы существующей системы. Как только массы осознали эти проблемы, элементы «*homo economicus*» и «*homo democraticus*» отреагировали не так, как предполагали их создатели.

Догматический либерализм, который пронизывал все основные политические партии, все правительства, всю государственную службу и весь дипломатический корпус демократических держав, оказался совершенно неспособен справиться с новой ситуацией. Недовольные элементы начали публично нападать на демократический порядок. Против них ничего не было сделано, потому что существующий демократический порядок гарантировал каждому гражданину «свободу слова».

Всё больше и больше людей, недовольных существующим порядком, собирались вместе и начинали организовывать и проводить митинги против устоявшихся принципов демократии. Никаких шагов по их пресечению предпринято не было, поскольку действующие законы гарантировали «свободу собраний».

Озлобленные и разочарованные интеллектуалы, солдаты, банкиры и промышленники, которым никогда не нравилась форма народного правления, присоединились к оппозиционным группам, поддерживали их финансово и социально, и вскоре мы увидели книги, брошюры, журналы и газеты, издаваемые и распространяемые с единственной целью борьбы с существующим демократическим порядком. Против них не было принято никаких мер, поскольку они работали на строго законной основе, которая гарантировала им «свободу прессы».

Движение становилось всё более влиятельным, принимая форму политических партий, которые добились избрания в парламенты. В каждом законодательном собрании представители появлялись во всё большем количестве с единственной целью — бороться в парламентах против института парламентаризма. Против них ничего не было предпринято, потому что их действия были гарантированы конституционными правами.

Таким образом, либерально-демократические государства были подорваны, их общественная жизнь отравлена, а их институты в конечном итоге уничтожены полностью «законными» методами, сначала в Италии, затем в Германии, далее в одной стране за другой, распространяясь подобно лесному пожару.

Возник жаркий спор между истинно верующими в демократические принципы и теми правящими кругами, которые постоянно отступали и уступали одну демократическую позицию за другой перед безжалостно наступающим врагом. Аргумент всегда был один и тот же: «Мы являемся демократией; наши граждане имеют гарантированные конституцией права, и мы не можем действовать против них

антидемократическим образом».

Поэтому они ретировались. И когда они оказались перед выбором — капитулировать или изменить свои методы, их догматизм укоренился настолько глубоко, что они предпочли капитулировать.

Пагубные последствия либерально-демократического догматизма очевидны для всех. Трагедия в том, что либеральные лидеры были настолько ослеплены своим теоретическим догматизмом, что отказывались понимать современные проблемы даже после того, как проиграли большинство крупных сражений, и защищали свои абстрактные концепции из последних сил с убеждённой, достойной лучшего применения.

Бесчисленны публичные высказывания побежденных либеральных лидеров, пытающихся оправдать свои позиции в этой битве. Их неизменные взгляды лучше всего были выражены в одной фразе, написанной лидером английских либералов лордом Сэмюэлем в эссе, опубликованном в *The Nineteenth Century and After*, ещё в июне 1938 года. Лорд Сэмюэл выступил против тех, кто призывал к изменению методов в наших отношениях с диктаторскими державами, заявив: «Быть либеральным только по отношению к либеральным государствам — это вовсе не либерализм».

Одна эта фраза выражает нереальность догматического либерализма, который в основном ответственен за парализацию наших правительств, наших дипломатов и наших государственных служащих.

Если мы попытаемся проанализировать эти демократические принципы, то наиболее простой логикой окажется то, что в организованном обществе свобода слова не может означать свободу слова для тех, кто хочет отменить свободу

слова.

Свобода печати не может означать свободу печати для таких изданий, которые стремятся подавить свободу печати.

Свобода голосования не может означать свободу голосования для тех, кто хочет отменить свободу голосования.

Места в парламентах были предусмотрены не для тех, кто хочет уничтожить парламентаризм.

Демократические институты были созданы не для тех, кто хочет упразднить демократию, и они не могут быть в распоряжении этих людей.

Эти простые выводы кажутся самоочевидными и почти аксиоматичными при обсуждении принципов демократии.

Но если существуют определённые люди, которые не хотят принимать результаты логического мышления, им следует читать и перечитывать историю всех демократических стран за последние двадцать лет. Им придётся осознать, что демократия была уничтожена повсеместно средствами, предоставленными их завоевателям самими демократиями. В этом мире реальности любая система, каждая нация должны погибнуть, если у них ничего нет, кроме благочестивых проповедей ненасилия, с помощью которых они могли бы противостоять суровым силам.

Победа тоталитарных диктатур и поражение демократических институтов вовсе не означают поражения демократических принципов, но они означают полное поражение той конкретной интерпретации демократических принципов, на которой мы основывали своё существование в течение последних десятилетий.

Мы думали, что достаточно провозгласить определённые правила среди либерально и демократически настроенных людей, чтобы жить в условиях демократии — что-то вроде

экслюзивного клуба, где мы можем жить среди джентльменов, соблюдая правила и устав клуба.

Но наш экслюзивный социальный порядок был низвергнут огромным количеством новоприбывших, единственной целью вступления в клуб которых было разграбить кухню и жульничать за покерными столами.

Если мы хотим установить демократический порядок не в вакууме и не на основе абстракции «*homo democraticus*», то мы не можем исходить из предположения, что самая важная составная часть в нашей конструкции — элемент, Человек — будет реагировать каким-либо иным образом, чем он должен в соответствии со своими качествами и природными условиями.

Демократия, как и любая высокая форма культуры и цивилизации, является в определённой степени роскошью, которую могут понять и оценить только люди с определённым образованием и которая может быть установлена только после удовлетворения некоторых более примитивных потребностей. Поскольку немыслимо, чтобы в наше время все люди обладали пониманием, знаниями, видением, характером и моральной способностью действовать и реагировать так, как должны действовать и взаимодействовать демократические люди, мы можем заставить демократию работать, только если будем готовы создать необходимую защиту для демократического режима, предписывая и провозглашая в недвусмысленной форме то, что мы понимаем под каждой из свобод, предоставляемых режимом, и если мы создадим одновременно с предоставлением этих свобод необходимые институты для их защиты и предотвращения их разрушения.

Основной принцип правильной интерпретации

либерально-демократических институтов заключается в том, что демократические институты создаются для всех тех, кто придерживается демократических взглядов, и единственно возможная интерпретация либеральной политики заключается в том, что к каждому человеку, каждой партии и каждой нации следует обращаться в соответствии с их собственными принципами.

Это единственно возможная интерпретация, которая позволила бы нам реорганизовать демократический мировой порядок таким образом, чтобы демократические народы, преданные демократическим институтам, были свободны от нападений и разрушений внутри своих собственных стран или со стороны внешних сил.

Свобода слова означает, что каждый человек имеет право выражать свои мысли и иметь полную свободу говорить всё, что он хочет сказать, за одним-единственным исключением: он не должен иметь права говорить, что он против свободы слова.

Свобода печати означает, что каждый человек имеет право печатать книги, периодические издания или газеты и публиковать в таких печатных средствах массовой информации любую идею, которую он пожелает, за одним исключением: он не должен иметь права печатать или обнародовать то, что свобода печати — это плохой институт, который должен быть упразднен.

Все люди должны иметь свободу собраний, и на таких собраниях каждый человек должен иметь свободу выражать любые взгляды, которых он может придерживаться, за одним-единственным исключением: он не должен иметь права нападать или критиковать право на свободу собраний.

Каждая политическая партия должна иметь право быть допущенной в законодательные собрания, и каждый должным образом избранный представитель должен иметь право свободно выражать свои взгляды по общественным вопросам, за одним-единственным исключением: ни один спикер не должен иметь права нападать на институт парламентаризма и представительного правительства, и ни одна партия, отстаивающая такие взгляды, не должна быть допущена к участию в парламентских дебатах.

Конечная цель демократии — это, естественно, демократический человек, но ввиду того факта, что человеческая раса, даже самые высокоцивилизованные нации, не полностью состоят из демократических людей, мы должны обеспечить демократию для тех, кто настроен демократически, и нашей первичной демократической обязанностью является противодействие антидемократическим мыслям, движениям и силам, использующим антидемократические методы.

Мы давным-давно поняли, что единственный способ гарантировать безопасность жизни мирных граждан — это создать организацию, которая отделит тех людей, которые вмешиваются в мирную жизнь других. И мы также хорошо знаем, что единственный способ гарантировать сохранность личной собственности граждан — это создать организацию для лишения личной собственности тех лиц, которые наносят вред личной собственности других.

Невозможно построить работоспособную демократию ни на национальном, ни на международном уровне без защиты политических прав демократического народа такими принудительными институтами, которые предотвращали бы и ограничивали деятельность тех элементов, кото-

рые по какой-либо причине действуют против демократических привилегий демократических граждан или наций.

Только если мы достаточно чётко определим, что мы понимаем под каждой из демократических свобод, которые наши государства могут предоставить индивидуумам, и только если мы создадим необходимый организм для предотвращения и подавления всех таких сил, которые работают против этих демократических привилегий, и только если мы примем доктрины, что либеральная политика подразумевает быть либеральным по отношению к тем, кто либерально мыслит, и относиться ко всем индивидуумам, партиям или нациям в соответствии с их собственными принципами, можем ли мы надеяться, что в будущем мы будем способны в любой момент остановить такие движения, которые представлены в нашем поколении нацизмом и фашизмом? Только тогда мы сможем надеяться, что у нас будет демократический порядок, который будет работать в соответствии с нынешними реалиями нашего мира.

IV

Нация

С национал-социализмом к власти пришла новая концепция, которая находится в абсолютном противоречии с идеями, на которых до сих пор основывалась международная жизнь всех государств, демократических или авторитарных. Очень серьёзное изучение этой новой концепции необходимо для того, чтобы избежать окончательного разрушения демократического миропорядка и для того, чтобы иметь возможность проводить реалистичную политику и перестать заниматься политикой в вакууме.

Этой разрушительной концепцией, которая в течение нескольких лет оказала такое разрушительное воздействие, является национал-социалистическая теория о «нации». Очень важно точно знать, что мы имеем в виду, когда говорим о «нации», поскольку это отправная точка всех политических действий в отношениях между народами.

Согласно демократическому тезису, принятому всеми западными странами и неоспоримому в течение прошлого столетия, нация — это совокупность населения, состоящего из представителей любых рас, верующих в любые религии, говорящих на любых языках, объединённых одним и тем же идеалом в одном и том же государстве.

Национал-социализм заменил эту теорию другой, согласно которой «нация» (*Volk*) — это совокупность людей одной расы, одного языка, одного происхождения «*Volkstum*» — независимо от государства или государств, в которых они проживают.

Эти две концепции в основе противоположны друг другу.

Демократическая концепция чётко определяет ячейки международной жизни и позволяет разрабатывать политику, основа которой является фиксированной. Этими ячейками являются структуры — государства. Согласно этой теории, нации: «Великобритания», «Германия», «Соединенные Штаты Америки», «Франция», «Бразилия» чётко определены. Все международные акты, конвенции, договоры, союзы, организация отношений между разными народами могут основываться на хорошо обоснованных компонентах.

Нацистская теория полностью переворачивает этот установленный порядок. «Рейх» — это, конечно, такое же государство, как и прежде, и подобное другим, но оно не идентично юридической форме «немецкой нации». Естественно, пруссак или баварец по-прежнему является немцем, но согласно этой теории румыны в Трансильвании, американцы в Миннесоте и бразильцы в Сан-Паулу, если они немецкого происхождения, в равной степени принадлежат к «немецкой нации», то должны хранить верность немецкому рейху и должны находиться на службе у немецкого правительства.

Согласно этой теории, нация — это физическая и психологическая конструкция и, по сути, расовая и культурная общность, а не политико-территориальная конструк-

ция. Таким образом, немецкая нация не обусловлена немецким государством, поскольку «нация» и «государство» — это два совершенно независимых понятия.

Гитлер говорит в *Mein Kampf*, что немецкий рейх как государство охватывает всех немцев не только для того, чтобы сохранить расовые элементы этой нации повсюду, но и для того, чтобы поднять немецкую нацию до доминирующего положения во всем мире. Министр внутренних дел Германии Фрик в брошюре, предназначенной для немцев, проживающих за границей, говорит, что каждый американец немецкой крови должен всегда помнить, где бы он ни оказался, что он является частью Германии. А нацистский теоретик Альфред Розенберг в своей книге *Myth of the Twentieth Century* заявляет: «...бесчестная демократия, безрасовая концепция государства девятнадцатого века должна быть полностью уничтожена...»¹.

Естественно, ученые, государственные деятели и общественное мнение в демократических странах отвергли эту национал-социалистическую доктрину о нации, но они отвергли её с милостивой улыбкой и с той тщеславной самоуверенностью, которая так характерна для нашего поколения. Демократические нации не хотели принимать всерьёз эти «необоснованные» взгляды и не верили, что они каким-либо образом угрожают их институтам и их существованию. И когда эти теории были применены на практике в Германии, они думали, что это внутреннее дело Герма-

¹Здесь цитата исправлена и приближена к оригинальному тексту «*Der Mythos des 20. Jahrhunderts*». Для сравнения приводится оригинальный текст цитаты, использованный автором: «...“the infamous conception of the state of the nineteenth century must be crushed.”». — Прим. переводчика.

нии, которое никоим образом не может повлиять на внутреннюю жизнь и политику демократических народов. Они также твёрдо верили, что Германия и другие тоталитарные державы с их концепциями «нации» вполне могли бы существовать и жить бок о бок с демократическими странами с их демократически-правовой концепцией «нации».

На самом деле это было то же самое, что позволить волкам и овцам жить в одном загоне. Принятие нацистской концепции нации позволило нацистскому правительству создать свободную от ограничений организацию граждан немецкой расы в Дании и Бразилии, в Югославии и Чили, во Франции и Соединенных Штатах, а также практически во всех странах мира. Эта организация подразумевала не просто поддержание культурных связей с Отечеством. Она подразумевала воспитание этих иностранных граждан немецкого происхождения в национал-социалистическом и антидемократическом смысле; подготовку их в военных формированиях; обучение их шпионской и диверсионной работе, привитие им идей и воспитание враждебных настроений по отношению к государствам, в которых они проживали; превращение их в военные ударные отряды против стран, в которых они были, в демократическом смысле, национальными гражданами.

Этот подрыв демократических наций стал настолько сильным, что стал одним из главных орудий тоталитарных держав в их мировой захватнической войне против демократий, и во многих случаях этого было достаточно, чтобы подготовить страны-жертвы к военной оккупации без какого-либо значимого сопротивления. Демократические державы были совершенно беспомощны и неспособны защитить себя от этой разрушительно мощ-

ной военно-политической машины, которую национал-социалистическое правительство, основанное на расовой концепции нации, выстраивало в течение нескольких лет совершенно открыто и заметно.

Препятствовать американскому или французскому гражданину говорить и писать то, что он думает противоречило конституционной гарантии свободы слова, и в соответствии с существующими демократическими принципами, было невозможно провести различие между лояльными демократическими гражданами и такими гражданами, которые явно были врагами государства и агентами антидемократических сил. Демократические правительства были в состоянии проводить различие только между «гражданами» и «иностранцами», поскольку они были определены в соответствии с существующими демократическими законами, какими бы неадекватными и неудовлетворительными они ни были. В демократических странах ничего не предпринималось в этом отношении, пока не стало слишком поздно, и тогда в моменты отчаяния единственное, что делалось, — это облавы на «иностранцев», большинство из которых были самыми страстными борцами за демократию и первыми жертвами нацистских политических концепций.

Ничего нельзя было сделать в отношении тех многих тысяч датских, американских, югославских или французских «граждан», которые изо всех сил трудились и боролись за разрушение страны, в которой юридически они были гражданами, а также за победу нацистской Германии, на чьей службе — сознательно или несознательно — они находились. Если небольшое число этих «граждан» было арестовано, то это было связано с тем, что так или иначе можно

было возбудить дела, основанные на предъявленных им обвинениях, которые отличались от их реальных преступлений.

Напрашивается вывод, что такое положение дел, при котором демократическое государство может быть подорвано и разрушено изнутри его собственными гражданами исключительно посредством нынешней интерпретации демократической концепции нации, является неприемлемым и внутренне противоречивым. Мы должны дать чёткое и недвусмысленное определение понятиям «нация» и «национальный», если мы хотим предотвратить полное разрушение демократических институтов повсюду.

Демократическая концепция нации является единственным политическим следствием христианских принципов. Согласно христианским принципам, каждый человек создан по образу Божьему и равен в глазах Бога, если он принимает символы христианства и авторитет Церкви. Следовательно, следует рассматривать как аксиому организованной демократии то, что все граждане должны быть равны при условии, что они соблюдают законы своей страны и признают авторитет демократической конституции. Это возмутительное убеждение, что мужчины должны быть низведены до уровня скотоводства и классифицироваться в соответствии с цветом волос, количеством зубов или происхождением их бабушек.

Но демократическая концепция нации, которая наделяет каждого гражданина равенством и правом пользоваться всеми привилегиями этого статуса, может быть только для тех индивидуумов, которые со своей стороны принимают эту демократическую концепцию и авторитет законов, выражающих эту концепцию. В демократическом го-

сударстве нет места ни одному индивидууму, который не на сто процентов лоялен этим демократическим концепциям. Отречение от них, проповедь расовых теорий или любых других взглядов, противоречащих демократической концепции нации, пребывание каким-либо образом на службе у иностранных правительств, отстаивание нацистско-фашистских принципов должно рассматриваться как преступление самого серьёзного характера, наказуемое в мирное время так же строго, как и государственная измена во время войны.

Демократическая концепция нации должна быть чётко интерпретирована, и такая интерпретация должна быть представлена в законодательстве, которое обеспечивало бы свободный и демократический образ жизни всем тем, кто верит в свободный и демократический образ жизни, но которое налагало бы суровые наказания на любого, кто использует свободу и демократию в качестве своих инструментов в борьбе за разрушение свободного и демократического образа жизни.

Без такой новой интерпретации и законодательства демократические нации находятся полностью во власти своих врагов — фашистских тоталитарных государств, — у которых в нынешних условиях есть все возможности для разрушения демократии изнутри. Ограничение иммиграции или контроль над иностранцами — очень наивная попытка предотвратить эту опасность. Все руководящие сторонники пятой колонны и предатели, все те, кто действительно обладал властью помогать нацистским и японским завоеваниям, были национальными гражданами своих собственных стран. Немецкие, итальянские или испанские политические беженцы были в последний момент отправлены

в концентрационные лагеря, но Лаваль, Бодуэн, де Бринон, Квислинг, Мюссерт, Тисо, а также тысячи их пособников считались патриотами до тех пор, пока они не нанесли последний удар по свободным институтам их собственных народов.

Крайне важно, чтобы те немногие страны, которые всё ещё наслаждаются демократией, полностью осознали реалии кризиса и поняли, что Лаваль, Квислинг и Антонеску находятся у власти не потому, что они были преступниками и предателями, а потому, что действующие законы их соответствующих стран, пока они были демократиями, не предоставили законных средств демократическим правительствам для предотвращения их подрывных антидемократических действий и поступков, а также дали им полную свободу уничтожать свободу.

V

Национализм

Великий кризис, который опустошает мир с начала двадцатого века, который разразился в больших масштабах в 1914 году и третью фазу которого мы сейчас переживаем, ещё недостаточно чётко объяснен. Различными мыслителями и писателями было предложено великое множество экономических, политических, финансовых, технических и моральных объяснений. Все они правы со своей конкретной точки зрения, но все они опираются лишь на неполный феномен и не дают представления о реальном происхождении этой мировой катастрофы, которую, несмотря на сложность её последствий, обнаружить не очень трудно.

За последние 150 лет два мощных потока захлестнули человеческую расу и с непреодолимой силой потащили её в разные стороны.

Одним из таких направлений является промышленная эволюция. Колоссальное развитие промышленности, начавшееся в начале девятнадцатого века и призванное поднять материальное благосостояние человечества до уровня, о котором до тех пор и не мечтали, имеет своим основополагающим и господствующим характером высокомерную тенденцию к *универсализму*. Ускоренный ритм экономики, распространение её активности по всему миру, мас-

совое производство, рационализация, коммуникации и обмен не являются изобретением какого-то либерала или интернационалиста. Всё это является необходимым условием и основой любого увеличения богатства.

Этот исторический процесс свободно протекал своим естественным ходом до того момента, когда население Европы выросло до таких размеров, что для народов стало невозможным существовать по старым экономическим формулам, не снижая уровень жизни. Завоевания, достигнутые в девятнадцатом веке, которые были результатом промышленного прогресса, несомненно, были решающими и представляются уникальным явлением в мировой истории. Столетие научной работы и технического прогресса плюс международная организация экономики просто превратились в насмешку над старой теорией, которая предсказывала истощение природных ресурсов и объявляла голод в ближайшем будущем неизбежной участью постоянно растущей человеческой расы.

Обеспечение человечества товарами, которые используются в настоящее время, и предоставление достаточного количества свободного времени, с пользой используемого для обучения, были до мировых войн технически и экономически гарантированы, несмотря на постоянный рост населения до такой степени, что это было бы невозможно представить за сто лет до этого.

Поддержание и продолжение этого прогресса на пути к материальному благополучию, экономической свободе и культурным достижениям зависит от разделения труда, строго соблюдаемого не только в центре каждого предприятия, но и в различных отраслях промышленности и среди наций, что означает распределение производства в наибо-

лее подходящих местах при соблюдении свободы обмена и свободы миграции.

Примерно в то же время, когда начался этот уникальный процесс промышленной эволюции, на основе концепции Французской революции был задуман новый идеал, который всегда глубже укоренялся в человеческой душе и разуме до такой степени, что стал самой могущественной религией нашего времени — национализм. По самой своей природе национализм, как он понимается и культивируется сегодня, стремится к *обособлению*, *дифференциации* и всё более жёстко делит человечество на малые единицы.

Эти два мощных течения — интегрирующая эволюция индустриализма и дифференцирующая эволюция национализма — доминирующие в нашу эпоху, действуя как огонь и вода, сейчас бурно сталкиваются, а взрыв и сильный пожар, через которые мы проходим, являются последствиями этого потрясения.

Кризис, с которым мы боремся — это кризис национализма и индустриализма. Он разразился в июле 1914 года и завершится либо крахом западной индустриальной цивилизации, либо уничтожением национализма как основы политики. Такова альтернатива, которая нам предлагается.

Национализм — результат Французской революции — изначально был высоким идеалом человечества. Его целью было освобождение народов от доминирования абсолютизма, провозглашение их независимости, передача символа суверенитета от короля народу и достижение социального порядка, основанного на принципах равенства, свободы и справедливости.

В конце восемнадцатого века национализм в том виде, в каком он был задуман первыми основателями современ-

ной демократии, был огромным шагом вперед. Это означало расширение фундаментальных принципов государства с одного человека или малой группы на всю нацию. Это было основой индивидуальной свободы, верховенства закона, свободных выборов, представительного правительства.

Но однажды утвердившись в качестве основного принципа политики, национализм постигла та же участь, что и все другие замкнутые революционные идеалы, как только они перестали быть идеалом и стали реальностью. «Суверенитет нации» — огромное достижение 150-летней давности, когда промышленный прогресс был ещё на ранней стадии развития, — начал наносить ущерб реалиям экономической жизни во второй половине девятнадцатого века. И с тех пор, подобно всем социальным идеалам, которые становятся догмами, это стало величайшим препятствием на пути дальнейшего прогресса. Это стало известной участью некультурных масс, выражением самых низменных инстинктов массового комплекса неполноценности, а его защитники — самыми нетерпимыми служителями культа догматической религии, которой мы когда-либо обладали на этой земле.

Национализм — это не политическая концепция. Он больше не представляет собой человеческий идеал. Он является главным выражением влиятельных интересов. Он обладает всеми критериями строго догматической религии, глубоко укоренившейся в душе — глубже, чем все дисциплины, которые мы охотно называем религиями. Идеалы и символы национализма, такие как понятия «родина», «флаг», «национальный гимн», являются типичными табу, к которым сегодня в высокоцивилизованных странах прикасаться опаснее, чем к табу диких каннибалов Южных

морей. Ни один человек, ни одна партия не осмелится прикоснуться к этим святыням; никто не смеет их критиковать. Тем не менее, следует сказать, что их возвышенный культ является одним из главных корней зла нашего времени.

Если человек говорит громко и публично пять раз в день: «Я величайший человек в мире», все будут смеяться над ним и подумают, что он сумасшедший. Но если он выражает тот же самый психопатологический импульс во множественном числе и публично говорит пять раз в день: «Мы величайшая нация в мире», то он обязательно будет считаться большим патриотом и государственным деятелем, и он вызовет восхищение не только своей собственной нации, но и всего человеческого рода.

В течение прошлого столетия три различные организации безуспешно пытались бороться с национализмом: католическая церковь, либеральные движения и международная организация рабочих.

Вечный идеал христианства (который выражается в вере в единое божество и в постулате мира на этой земле) находится в абсолютном противоречии с идеалом национализма — этой современной религии, которая в действительности основывается на разделении человечества на несколько групп в соответствии с происхождением, расой, языком и суверенитетом, в соответствии с благоговением каждого народа к определённом богу.

Положение дел, преобладающее в настоящий момент в мире, с религиозной точки зрения было бы справедливо охарактеризовано термином «политеизм». Современная религия национализма вытеснила христианскую веру из души человека, и хотя он ходит на мессу и посещает церемонии христианской церкви, настоящим богом, которому он

предан превыше всего, в которого он верит, за которого он готов сражаться и отдать свою жизнь, является не единый Бог всеобщего христианства, а богиня — «нация».

Эти боги очень напоминают языческих богов дохристианской эпохи. Они настаивают на признании своей расы и ненависти к другим расам. Они настойчиво требуют войны и победы, и требуют отмщения, если вместо победы приходит поражение. У Англии есть свой бог, как у Франции, как у Соединенных Штатов, как у Германии и Италии; у русских и чехов есть свой бог, как и у поляков, аргентинцев и японцев. Безразлично, насколько мала нация, у неё есть свой собственный национальный бог.

Все эти нации скрывают свои языческие инстинкты под маской христианства. Во всех странах национализм рассматривается как «христианская политика». Повсюду языческий дух культивируется под моральной защитой ложно истолкованного христианства. На всех полях сражений, где бушуют войны, христианские священники маршируют перед войсками, неся символ Сына Божьего — того Сына Божьего, который искал мира и любви, — и одной и той же формулой они благословляют два противоборствующих лагеря, готовых обрушить ярость своей национально-языческой страсти.

Бесспорно, что такое положение дел должно быть неприемлемым для каждого настоящего христианина, и также бесспорно, что Церковь больше всего заинтересована в том, чтобы её великий универсальный идеал — монотеизм — был реализован не только на небесах, но и на земле среди народов.

К сожалению, христианские церкви, напуганные прогрессом науки, промышленности и либерализма, думали,

что их материальные интересы совпадают с теми силами, которые противостоят человеческому прогрессу. Напуганные эксцессами индустриальной и демократической эволюции, характеризуемой доктринами масонства и религиозными преследованиями в Советской России, они всё больше и больше примыкали к националистическим силам, пока не обнаружили, что в этой великой человеческой борьбе они объединились во многих частях мира с силами фашизма, сама суть которого является антихристианской. Хотя политика Церкви по сути консервативна и антиреволюционна, лидерам христианской веры вскоре придётся осознать, что они собираются разрушить сами принципы христианства, если по чисто материальным соображениям будут отождествлять себя с различными национализмами, которые сегодня борются во имя своих особых национальных богов. Ни при каких условиях земным следствием идеалов человека, созданного по образу Божьему, милости, терпимости и милосердия не могут быть расовые преследования, зоологический материализм, концентрационные лагеря и культ агрессивного милитаризма.

Второй силой, которая пыталась предотвратить катастрофические последствия догматического национализма, были либеральные элементы, которые в конце девятнадцатого и начале двадцатого веков были довольно влиятельны среди буржуазии всех стран. Эти группы понимали, что положение дел, порожденное национализмом, не может быть прочным, и они стремились преодолеть национальные антагонизмы и объединить народы посредством соглашений, договоренностей и взаимопонимания. Эти тенденции получили сильное развитие в годы, последовавшие за Первой мировой войной, и их великим достижением стало созда-

ние Лиги Наций.

В течение определённого периода, когда Бриан и Штресман всецело поглотили международную арену, можно было почти поверить, что они добьются своих целей. Но они потерпели неудачу, справедливо пораженные железным законом, потому что существуют антагонизмы, которые при самой доброй воле в мире и даже при самой искусной дипломатии не позволят себя сломить, и потому что невозможно примирить в договорах и соглашениях в сущности непримиримые силы.

Некоторые народы, прежде всего англо-американские демократии, даже сегодня придерживаются этого идеала, который они считают осуществимым: добровольное и мирное сотрудничество различных суверенных государств, опирающееся на «добрую волю» народов. Они упрямо отказывались предпринимать какие-либо усилия по созданию более единой международной организации, что привело бы к ослаблению национального суверенитета, международному законодательству, международным силам, обязательствам, гарантиям и санкциям. Они провозгласили единственной основой совместной работы «добрую волю» народов, существующих или порождаемых.

Этот идеал полон противоречий. Если бы так называемая добрая воля народов существовала или была возможна в качестве основы международных отношений, то действительно было бы бесполезно и ненужно изменять или улучшать нынешнюю организацию этого мира. Никакое соглашение, договор или закон не были бы нужны, если бы действия людей или наций основывались на том, что мы представляем себе под термином «добрая воля».

Но независимо от такого упрощения рассуждения, ни у

кого нет причин сомневаться в том, что каждая нация движима всей возможной доброй волей и что она не имеет в виду ничего такого, что она не считала бы праведным, когда заседает с другими нациями за столом переговоров. Остается фактом, что, несмотря на это, механизм не работает.

Причина достаточно ясна. Идея «доброй воли» — это плод воображения, из которого ничего нельзя извлечь. Гёте в своём «*Фаусте*» определяет природу дьявола как «часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо». Человек находится на прямо противоположном полюсе по отношению к Мефистофелю. Он является частью той силы, что вечно хочет блага и, тем не менее, вечно совершает зло.

Нет людей — если бы хоть один существовал, он считался бы редким исключением, — действия которых продиктованы исключительно злыми побуждениями; так скажем, которые не желают добра себе, но желают зла своему ближнему; которые не желают защищать своё собственное дело, которое они считают праведным, но которые просто хотят разрушить дело других. Величайший преступник совершает преступление не для того, чтобы причинить вред другим, а для того, чтобы обеспечить себе преимущество и осуществить побуждение, которое в данный момент кажется ему правильным. Несмотря на эту «добрую волю» людей, которая, несомненно, существует, социальный порядок невозможно представить без законов универсальной силы и без вынужденного подчинения индивидуумов этим законам.

Нет никакой разницы между сообществом людей и сообществом наций. Ни одна нация, взятая в отдельности, не желает причинять вред другой. Все служат своим «обоснованным национальным интересам»; все «защищают свою страну»; все хотят «защитить себя от агрессии». Именно

эта глубокая убеждённость в правоте своих собственных интересов и потребностей привела к фактическому хаосу и сделала невозможным его разрешение. Мы должны попытаться ясно разглядеть эту сложную взаимосвязь побуждений и поступков. Мы должны действовать в рамках политики реальности, признавать существующие факты и справедливо соизмерять возможности.

«Сближение позиций» между различными суверенными государствами, основанное на принципе национальности и движимое национализмом, невозможно. Это чистая утопия. Все попытки международного сближения сталкивались с влиянием национализма, который не допускает никаких важных уступок, ни политических, ни экономических, без которых «международное сотрудничество, основанное на доброй воле», не может быть реализовано.

Человек должен выбрать: либо он придерживается концепции национального суверенного государства, которая неизбежно ведёт к изоляции, автаркии и, в конечном счёте, к конфликтам и войне; либо он желает создать международную или, по крайней мере, континентальную или региональную организацию, которая могла бы гарантировать мир и способствовать экономическому прогрессу. В последнем случае нужно отойти от религии национализма и её международных последствий.

Либеральные силы, которые в последние десятилетия становятся всё более догматичными, вряд ли будут в состоянии осуществить это. Они потеряли свою власть в области внутренней политики, потому что превратили идеалы либерализма в негибкую и догматичную консервативную программу, тем самым дав своим противникам оружие, с помощью которого можно их уничтожить. Их взгляды на

организацию международной жизни настолько же противоречат их собственным принципам, насколько они представляют тем нациям, которые противостоят их взглядам, возможность и средства уничтожения демократических народов, которые всё ещё придерживаются фундаментальных идеалов либерализма.

Третьей и, возможно, самой важной силой, которая боролась с национализмом, был «Интернационал» социалистических рабочих партий. Пролетариат давным-давно осознал, что его освобождение может быть достигнуто только путём объединения, и он организовал своё движение на международной основе. Следуя девизу «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», должна была быть создана влиятельная всемирная партия. Она должна была осуществить во всех странах социалистическую программу в соответствии с директивами коммуны.

Уже перед Первой мировой войной социалистические партии были высокоразвиты и добивались успехов. Они добились значительного прогресса после войны, когда почти во всех европейских странах распадались буржуазные партии с милитаристской, консервативной доктриной. Миллионы людей, не только рабочие, но и представители крестьянства, среднего класса и интеллигенции, принадлежали к социалистическим партиям, только от которых они ожидали панацеи. После многих лет социалистического развития и господства эти партии пришли в упадок почти во всех странах. Повсюду недовольные массы заставляли их отказываться от превосходной позиции, завоевание которой заняло у них так много времени.

Политика социалистических партий за последние двадцать лет привела к величайшему обману широких масс. Ве-

ликое народное движение, которое вначале породило все надежды, было разрушено, когда оно столкнулось с суровостью реальности. Причина, по которой социалистические партии не смогли даже частично реализовать свои программы и почему их последователи так быстро отказались от них, заключается в том, что «Интернационал» был всего лишь фикцией.

Во всех странах, где социалистические партии приходили к власти, они придерживались националистической политики. Все попытки, предпринятые с целью реализации экономической политики социалистической программы, провалились, как только они стали зависимы от национализма, и если что-то и было достигнуто, то это были лишь немногие достижения социальной политики, которые Бисмарк или Ллойд Джордж могли бы с такой же легкостью внедрить, как и социалистические лидеры.

С другой стороны, они предполагали «международное сближение позиций», задуманное в духе либеральных мыслителей, выдающих желаемое за действительное. Они никогда не осмеливались бороться с национализмом в своей собственной стране, или не хотели этого делать. Последствием этой политики, направленной на преодоление антагонизмов, которые не могли быть преодолены, стало отсутствие успеха у социалистических правительств и тех, кто поддерживает социализм. Ультранационалистический и милитаристский дух пережил через несколько лет поразительное возрождение. Экономический кризис принял катастрофический характер. Рабочие, истинным представителем которых должна была быть партия, оказались в ещё большем бедственном положении. Безработица быстро росла, и не только сторонники, но и многие из первоначальных сторонников социализма.

чальных лидеров социалистических партий перешли в лагерь национал-фашистских партий.

Психология этого процесса крайне проста. Власть, осуществляемая на протяжении долгих лет, не увенчалась успехом. Лидеры, которые были националистами — но не настолько, чтобы конкурировать с настоящими посланниками национализма, — свалили всю вину на «иностранцев», на другие нации, которые вмешивались в их политику. Вполне естественно, что массы быстро последовали за демагогами, которые со всей силой своей ненависти боролись с «другими нациями» и своим собственным демократическим правительством, слабым и не имеющим никакого успеха в своём активе. Социалистические партии потерпели неудачу, потому что они не понимали, что на современном этапе промышленного развития все проблемы, породившие социальный вопрос, могут быть решены только на международном уровне.

Итак, в последние годы мы были свидетелями триумфа национализма над христианством, либерализмом и социализмом — над всеми теми силами, которые противостояли ему.

Сегодня миром повсеместно правят националистические силы. Разделение между нациями и их изоляция были доведены до абсурдного предела, и вряд ли возможно идти дальше в этом направлении. Это исступление национализма означает его конец. Характерно, что даже один из величайших представителей современного национализма, Бенито Муссолини, когда он ещё был способен выражать свои собственные взгляды, чувствовал, что национализм на нынешней стадии политического и экономического развития больше не является стимулятором. Перед напа-

дением на Эфиопию он написал в статье следующие фразы: «Национальность как принцип и как связующее звено в уравнивающем формировании стала великой динамичной силой, которая способствовала росту современной Европы. Однако эта сила вскоре перестанет быть центроостремительной; она угрожает превратиться в центробежную силу и стать фактором разъединения, если её не поддерживать в состоянии разумного равновесия. Невозможно проявить полную человеческую справедливость по отношению к каждому человеческому инстинкту и гордости каждой расы. Соединенные Штаты показали, что старые чувства ненависти можно трансформировать в национальное образование за одно или два поколения, если расы, которые раньше были движимы атавистической враждой, передаваемой от отца к сыну, объединятся»¹.

Национализм фактически подошел к началу своего конца. Он разрушил и испортил всё, что создал человеческий разум, всё, что было создано человеческим трудом. Абсурдность национализма лучше всего характеризуется тем фактом, что сегодня мы обладаем техническими средствами, позволяющими пересечь Атлантический океан за семь часов, но уходит семь месяцев на получение визы.

Национализм стремится не к объединению человечества на основе 95 процентов его общих характеристик, а к разделению его на основе 5 процентов его различий. Это духовная концепция, находящаяся в абсолютном противоречии со всеми победами, достигнутыми в течение последнего столетия. Это убеждение, которое хочет возродить дохристианскую эпоху. Это враг человека и антихристиан-

¹Отсутствует источник подтверждающий достоверность данной цитаты. — Прим. переводчика.

ство. Он реакционен и делает невозможным какой-нибудь прогресс на пути к благоденствию. Он порожден террором и страхом, подозрительностью, недоверием и тщеславием. Это самая злая эпидемия, которая когда-либо нападала на человечество. Это выражение коллективного комплекса неполноценности.

Это не имеет абсолютно ничего общего с благородным чувством, с любовью к собственной стране, с настоящим патриотизмом, искажением которого оно является, точно так же, как патологическое пьянство является извращением удовольствия от бокала вина.

Необходимо понимать, что существуют только две реальности — *индивидуум* и *человечество*. Все остальные классификации на касты, племена, классы, религии, расы и нации являются произвольными, искусственными и поверхностными.

Никто не может сказать, что такие разделения человечества по какому бы то ни было признаку являются фундаментальными с какой бы то ни было точки зрения. Французы, немцы и итальянцы — швейцарские патриоты. А африканские негры, желтокожие китайцы, краснокожие индейцы, голубоглазые ирландцы, темноволосые греки и светловолосые скандинавы гармонично живут вместе, испытывая одинаковое чувство преданности своей стране — Соединенным Штатам Америки.

Естественно, мы не можем сделать кожу негра белой и не можем отказаться от использования немецкого языка. Но мы можем упразднить принцип, согласно которому именно эта необоснованная классификация человечества на расы или национальности остается основой суверенных государств. Как только мы поймем эту проблему и усмирим

принцип национальности как основы государств, националистические войны прекратятся так же автоматически, как религиозные войны прекратились в тот момент, когда религия была отделена от государства и перестала быть его основой.

VI

Суверенитет

Золотой телец, которому наиболее преданно и тайно поклоняются массы наших дней — это суверенитет. Ни один символ, претендующий на божественность, который когда-либо овладевал человечеством, не вызывал столько страданий, ненависти, голода и массовых казней, как идея «суверенитета нации».

Что такое суверенитет?

Термин происходит от слова «суверен». В то время, когда народами правили абсолютные монархи, короли, императоры, вожди или как бы они ни назывались, им было необходимо устанавливать свою власть от Бога, чтобы склонить людей поверить и принять, что всё, что они делали, говорили и приказывали, было правильным, непогрешимым и неукротимым. Эти атрибуты назывались «суверенными», а лица, ими наделённые, — «суверенами».

Многие века люди страдали при такой организации общества, подчиняясь неконтролируемой, верховной власти монархов.

Великий перелом произошёл в восемнадцатом веке, когда под влиянием таких мыслителей и философов, как Локк, Руссо, Монтескье и многих других, массы восстали против своих абсолютных правителей, своих суверенов.

Революционное убеждение состояло в том, что «суверенитет принадлежит обществу» и что понятие суверенитета должно перейти от правителя к нации. Эта идея основывалась на опыте древних греков и на концепции Платона, сказавшего, что «государство, в котором закон выше правителей, а правители ниже закона, имеет спасение».

Эта демократическая концепция суверенитета одержала полную победу в девятнадцатом веке и её последствия во всем цивилизованном мире. Трансформация была самой глубокой. Все династии, обладавшие абсолютной властью — Бурбоны, Габсбурги, Гогенцоллерны, Романовы и многие другие более мелкие правящие семьи — были свергнуты; нации приняли республиканскую форму правления; и власть сохранили только те королевские семьи, которые добровольно отказались от своего абсолютного правления и стали символами конституционных монархий, выполняя в государстве функции, аналогичные функциям президентов в республиках.

В то время, когда зародилась идея передачи суверенитета от правителя к нации, промышленная революция ещё не началась, современный транспорт ещё не был изобретен, а термин «нация» представлял собой широчайший диапазон, который могли себе представить отцы современных конституций в восемнадцатом веке. Их основная идея состояла в том, чтобы передать суверенитет от *одного* человека *всем* людям — народу, что в то время было тождественно «нации».

По мере того как эта идея обретала форму в современных государствах, она превратилась в нечто совершенно отличное от того, чем подразумевалось. Благодаря развитию техники и коммуникаций, благодаря экономической эволю-

ции географическая территория, на которую распространялся суверенитет наций, становилась всё меньше и меньше. Благодаря политическому развитию многих из этих национальных государств суверенитет — неконтролируемая власть — превратился в институт, который вовсе не обеспечивал народам ту свободу, безопасность и счастье, для которых он предназначался. Напротив, она осуществляла суверенитет способом, не сильно отличающимся от суверенитета монархов. Таким образом, в начале двадцатого века, принимая во внимание весь мир, ситуация была очень похожа на анархическую ситуацию в средние века, когда феодалы осуществляли суверенную власть над своими собственными поместьями, полностью игнорируя интересы общества своих наций, представленные королями.

Суверенитет нации всё больше и больше становился догмой, неизменной, неприкосновенной, неоспоримой, на которой должны были основываться все международные отношения. Все попытки создать какую-либо международную организацию для урегулирования политических, военных или экономических отношений между нациями прискорбно провалились, потому что такая вещь, как мирное сотрудничество между суверенными нациями, немыслима и никогда не будет достигнута.

Мы были свидетелями самых гротескных проявлений этих попыток. Мы проводили различные международные конференции, чтобы снизить тарифные барьеры между странами. Делегаты каждого суверенного государства, естественно, заботились только о наилучших интересах своей собственной страны и старались поддерживать её тарифы как можно более высокими. Если бы они согласились

на снижение тарифов в своей стране, они потеряли бы работу. Но сохранение суверенитета своей нации путём отказа от какой-либо уступки означало, что они были компетентными представителями, хорошо заботящимися об интересах своей страны.

В течение многих лет мы следили за дискуссиями на Конференции по разоружению, созванной в связи с настоящей необходимостью ограничения и сокращения национальных вооружений. Ассамблея состояла из делегатов суверенных государств, каждый из которых подразумевал только защиту своих собственных национальных интересов. У каждого делегата на Конференции по разоружению была одна мысль: сохранить для своей собственной страны максимально возможное количество вооружений. Если бы кто-либо из них согласился на сокращение вооружений своих собственных стран, их сочли бы предателями, действующими в ущерб своим нациям. И когда они вернулись домой, успешно выдержав попытки сократить национальные вооружения, их чествовали как великих патриотов, которые хорошо представляли суверенные права своих стран, чтобы вооружаться без какого-либо «иностранного вмешательства».

Эта комедия вскоре превратилась в трагедию, закончившуюся катастрофой. Несмотря на всё это, суверенитет наций не может быть предметом обсуждения и должен поддерживаться прежде всего и при любых обстоятельствах.

Таким образом, миллионам снова придётся умереть, сотням миллионов снова придётся голодать, и миллиарды долларов снова придётся потратить впустую — потому что мы не хотим признавать, что концепция суверенитета наций, которая была большим прогрессом в восемнадцатом веке,

не решила проблему передачи этих суверенных прав от королей народам. До тех пор, пока суверенитет наций имеет только географическое ограничение и пока шестьдесят или восемьдесят наций обладают неконтролируемой властью и суверенным правом набирать армии, объявлять войны, устанавливать тарифы, останавливать миграцию и осуществлять эту суверенную власть над теми правами, от которых зависит всё благосостояние и счастье человечества, то мы не можем сказать, что суверенитет принадлежит обществу.

В тот момент, когда Французская революция материализовала идею суверенитета нации, Франция была величайшей державой в Европе, а её население составляло половину населения всего Европейского континента. В соответствии с условиями восемнадцатого века она была полностью самодостаточным политическим и экономическим образованием. Но в нынешних экономических условиях какой смысл в «суверенитете Латвии» или «суверенитете Люксембурга»?

Уничтожить золотого тельца суверенитета будет очень тяжелой работой по двум причинам.

Во-первых, корыстные интересы в суверенитете наций огромны. На маленьком европейском континенте в том виде, в каком он был политически организован в 1919 году, в любое время насчитывалось около шестисот членов правительств в звании министра, осуществлявших исполнительную власть. Во много раз больше людей были бывшими министрами и как таковые занимали привилегированные посты в общественной жизни. В любое время по всей Европе было разбросано около семисот-восьмисот действующих послов, полномочных представителей, их превосходи-

тельств. Под их началом находилось около десяти тысяч советников, атташе и других чиновников дипломатического ранга. В любое время там было около семи-восьми тысяч законодателей, членов парламентов. Если мы примем во внимание только этих ключевых людей, обязанным своим положением наличию их собственного национального «суверенитета», мы легко сможем понять, что со всеми подчиненными, со всем персоналом, необходимым администрациям суверенных государств, насчитывалось несколько сотен тысяч человек, наиболее мощно организованная каста, которая была полностью процветающими и существующими в соответствии с понятием «суверенитет».

Но, вероятно, существуют ещё более серьёзные корыстные интересы в экономической и финансовой сферах. Одним из катастрофических последствий суверенитета является неправильное представление о самодостаточности или автаркии каждой нации. Были вложены неисчислимые суммы в искусственные отрасли промышленности, созданные и поддерживаемые с помощью тарифных барьеров в каждой стране при полном игнорировании любого экономического закона, исключительно с целью прекращения торговли с другими странами и обеспечения экономической независимости каждой единицы, именуемой «государством».

Вторая причина, по которой будет трудно избавиться от концепции национального суверенитета — и в этом заключается действительная трудность, — носит метафизический характер. Суверенитет нации — это юридическая форма, ритуальное выражение глубочайшего и всемогущего коллективного комплекса неполноценности, который мы называем «национализмом».

Суверенитет и национализм — это две стороны одной и той же фальшивой монеты. Мы не можем принять одну её сторону к нашим услугам, не получив в своё распоряжение также и другую сторону. Обе концепции в их нынешнем виде должны быть уничтожены, и должны быть найдены интерпретации, которые будут ясно выражать в терминах реалий двадцатого века те значения, которые им придавались, когда они были учреждены в восемнадцатом веке.

Помимо ошеломляющей неразберихи и анархии, создаваемых в политической, экономической и международной областях существованием нынешних «суверенных» государств, национализм и его правовое выражение — национальный суверенитет, — вызывают наибольшее количество трений, неразберихи и страданий также внутри таких отдельных суверенных государств.

За исключением двух или трех крупных стран, едва ли какая-либо страна в мире состоит из представителей одной национальности, а различные объединения национальностей настолько тщательно перемешаны, что невозможно установить границы таким образом, чтобы все представители одной национальности могли быть расселены в одном суверенном государстве. Следовательно, в каждой суверенной стране, помимо её собственной национальности, существует большое множество других национальностей, так называемых меньшинств, создающих проблемы, которые ни одно суверенное государство никогда не было в состоянии удовлетворительно решить, и являющиеся причиной неизбежных войн.

Если мы оставим в стороне последние эксцессы религиозной нетерпимости нацистских и фашистских государств, мы можем констатировать, что религиозный вопрос был

вполне удовлетворительно решен в течение девятнадцатого века в результате отделения религий от суверенитета государства, в результате власти, поставленной выше всех религий, и при которой каждая религия пользовалась равенством.

Но ни одно государство, даже самое либеральное, не смогло решить проблему национальных меньшинств. И эта проблема не могла быть решена, потому что не существовало суверенной власти над национальностями, при которой ко всем им можно было бы относиться как к равным.

Всегда существовала одна из таких национальностей, которая обладала суверенными правами государства по отношению к другим. Итак, мы видели, что в 1914 году Первая мировая война разразилась восстанием тех национальностей и меньшинств, которые чувствовали себя угнетенными в Германской и Австрийской империях. Победа союзников разрушила эти империи и «освободила» сербов, чехов, румын и поляков, а также множество других национальностей. Но все эти вновь созданные государства просто представляли собой обратную сторону предыдущего порядка, и было примерно такое же количество людей, которые в 1938 и 1939 годах восстали против чешского, польского, сербского и румынского «суверенитета» и тем самым положили начало лавине второй мировой войны.

Та же проблема стоит перед нами в Индии.

Единственное решение и единственная трактовка суверенитета — это предоставить всем национальностям точно так же, как мы предоставили всем религиям полную автономию и полные суверенные права решать свои собственные культурные, национальные и локальные проблемы. Но должна быть создана организация, стоящая выше них, об-

ладающая всеми полномочиями для решения всех этих вопросов — международных отношений, военных и экономических вопросов, — которые должны решаться таким образом, чтобы у каждой нации были равные права и равные обязательства по отношению к ним.

Только посредством такого *отделения суверенитета*, устанавливая национальные суверенитеты по всем национальным вопросам и международные суверенитеты по всем международным вопросам, мы можем создать основу всемирной конституции, которая действительно выражала бы демократическую мысль о том, что «суверенитет принадлежит обществу».

VII

Мир

Тридцать третья сессия Совета Лиги Наций состоялась в марте 1925 года в скромной обстановке обеденного зала старого отеля «National» в Женеве. На повестке дня было принятие Советом Женевского протокола, разработанного предыдущими британским и французским премьерами Макдональдом и Эррио на лужайках Чекерс¹. Надежды на преуспевающую Лигу Наций были всё ещё высоки, и это была первая и единственная серьёзная попытка организовать коллективную безопасность в рамках Лиги.

На этом судьбоносном заседании Совета Британию представлял сэр Остин Чемберлен, а Францию — Аристид Бриан. Франция и все представители небольших стран в Совете выступали за принятие Протокола, но все заранее знали, что сэр Остин Чемберлен от имени своего новоизбранного британского консервативного кабинета категорически отвергнет его. Его аргументы заключались в том, что правительство Его Величества не смогло взять на себя такие общие обязательства, которые связали бы им руки в будущем, что целью Лиги было сохранение мира, а не подготовка к войне, и что во всем проекте было слишком много

¹Чекерс, Чекерз — с 1921 г. официальная загородная резиденция премьер-министра в графстве Бакингемшир. — Прим. переводчика.

разговоров о возможностях войны... «Правительству Его Величества кажется, — сказал Чемберлен, — что всё, что укрепляет идею о том, что главное дело Лиги — война, а не мир, вероятно, ослабляет её основную задачу — уменьшить причины войны...».

Бриан, стараясь выглядеть наилучшим образом в сложившейся ситуации, ответил сэру Остину Чемберлену остроумной импровизированной речью, которая создала очень веселую атмосферу для погребения лучшей надежды человечества в период между двумя мировыми войнами.

«Что такое мир?» — спросил Бриан. И он дал своё собственное определение. «Согласно моей философии, — сказал он, — мир — это не что иное, как отсутствие войны».

Все мы, присутствовавшие при этом, улыбнулись. Сэра Остина Чемберлена явно позабавили логика и риторика его выдающегося французского коллеги.

Эта дискуссия между двумя величайшими министрами иностранных дел Великобритании и Франции в послевоенный период ясно продемонстрировала, насколько далеки были страны от ясного понимания проблем своего времени.

До сих пор мир действительно был ничем иным, как отсутствием войны, и все усилия дипломатии были сосредоточены лишь на отсрочках и компромиссных решениях любых конфликтов, возникающих между народами. Эта примитивная концепция мира была распространена на протяжении всей нашей истории и особенно в последние годы возвышения национализма и суверенитета.

В течение двадцати лет, предшествовавших этой войне, мы хотели сохранить мир. Мы не хотели ничего, кроме мира. Веря, что мир — это просто отсутствие вооружённого

конфликта, и страстно желая сохранить мир, мы были готовы принять любое решение возникших проблем, если только такие решения уберегут нас от вооружённого конфликта.

Таким образом, мы допустили, чтобы подписанные нами договоры рассматривались нашими врагами как клочки бумаги, потому что настаивать на неприкосновенности подписи означало бы развязывание войны. Мы лицемерно закрывали глаза на военную агрессию, потому что думали, что любая попытка предотвратить подобные акты агрессии означала бы вооружённый конфликт. Мы называли интервенцию «невмешательством», потому что думали, что если будем говорить правду, это втянет нас в войну. Мы позволили обмануть себя, подставить под удар и шантажировать, потому что хотели сохранить наш мир. И, наконец, великие демократические державы нарушили даже свои собственные обязательства и клятвы, потому что считали, что мир важнее чести, порядочности и доверия данному слову.

Все ошибки и промахи, совершенные демократическими правительствами за последние два роковых десятилетия, были оправданы доводом о том, что только согласившись с подобными действиями, демократические народы смогут сохранить свой драгоценный мир. У нас не было ни политики, ни идеалов, ни цели, кроме одного — предотвратить стрельбу. Мы не хотели ничего, кроме мира. Так началась война.

Что бы мы ни думали об этой войне, одно несомненно: это бесспорное и убедительное доказательство того, что политика, с помощью которой мы хотели сохранить мир, с треском провалилась.

В том виде, в каком мир понимался до сих пор — пери-

од без вооружённого конфликта, — это не что иное, как обратная сторона определения войны Клаузевицем. Более или менее короткие периоды «мира», которыми мы иногда наслаждались в прошлом, были ничем иным, как продолжением войн, ведущихся различными средствами. Все те краткие передышки от войны, которые мы называли «миром», были ничем иным, как дипломатическими, экономическими, политическими и финансовыми войнами между различными группами людей, называемыми «нациями», с той лишь разницей, что эти конфликты, противоборство и враждебные действия велись всеми средствами, кроме настоящей стрельбы.

Если это то, что мы называем миром, если это то, к чему мы стремимся как к идеалу, если это положение дел, которое мы надеемся сохранить «навечно» или, по меньшей мере, в течение длительного времени, тогда мир — это утопия, которой мы никогда не достигнем, точно так же, как он никогда и не был достигнут в любой другой период человеческой истории.

Но такая концепция мира крайне примитивна, устарела и нежелательна. В таком статус-кво нет ничего морально-го, ничего христианского, ничего цивилизованного, ничего демократического, ничего обнадеживающего.

Останется ли мир навсегда утопией или он станет политической реальностью; останется ли он туманной мечтой через тысячу лет, или задачей нашего собственного поколения будет реализовать и организовать его — полностью зависит от того, как мы воспринимаем и как интерпретируем положение дел в этом мире, который мы бы назвали «мирным».

Как чисто негативная концепция, пытающаяся что-то за-

щитить, как просто статичная концепция, пытающаяся сохранить любой территориальный, политический или социальный порядок, существующий или подлежащий созданию, как концепция спокойствия и бездействия, мир невозможен и навсегда останется недостижимым. На самом деле, если бы такой мир когда-либо мог быть установлен, это прозвучало бы погребальным звоном прогрессу.

Отсутствие войны в течение сколько-нибудь значительного периода между нациями, организованными как суверенные государства, невозможно. Справедливый межнациональный порядок, основанный на суверенитете наций, немыслим, потому что даже если бы мы могли в данный момент установить порядок, который считался бы справедливым всеми заинтересованными нациями, это продолжалось бы недолго, так как суть жизни — это движение и постоянные перемены. Пытаться сохранить мир более чем на короткий промежуток времени между суверенными государствами, обладающими оружием, просто с помощью дипломатии — значит основывать судьбу человечества на искусстве заклинания змей. В борьбе с непреложными реалиями истории нам нужны более эффективные инструменты, нежели флейта.

По мере развития образования будет всё меньше и меньше возможностей удерживать нации от стрельбы друг в друга, и всё больше и больше наций будут претендовать на равные права с другими.

Притязания народов на равенство почти так же стары, как стремление к свободе. Равенство — это ещё один идеал, порождающий очень много путаницы и неправильных представлений.

После своего поражения в 1918 году Германия и дру-

гие побежденные нации провозгласили «равенство прав» условием мирного развития. В течение десятилетия международная политика, и особенно европейская политика, вращалась вокруг этого принципа «равенства прав».

После долгой борьбы, в декабре 1932 года, этот принцип равенства был дарован странами-победительницами побежденным. С момента предоставления этого статуса равенства ситуация в Европе стала более хаотичной, чем когда-либо прежде, и психоз войны нарастал из месяца в месяц.

Это было неизбежным следствием создания «основы сотрудничества», которая была не чем иным, как фикцией и которая не представляла никакой реальной ценности.

Что обозначает это «равенство прав»?

Едва ли в истории есть идеал, которым злоупотребляли чаще и в большей степени, чем идеалом равенства. И за последние десять лет мы своими глазами видели самые чудовищные из этих злоупотреблений. Для Германии требование равенства было не чем иным, как способом империалистического завоевания.

Немцы заявили, что с ними не обращались на равных основаниях, поскольку у них не было права вооружаться, как у французов, поляков и русских, и заявили о праве на равное вооружение. Французы заявили, что ввиду их меньшего населения свобода Германии перевооружаться поставила бы их в неравное положение. Немцы заявили, что Франция обладает богатыми колониями, на что французы ответили, что Германия располагает гораздо более мощным промышленным потенциалом. Немцы повторили, что Франция создала сеть военных альянсов. На что французы ответили, что немцы ведут подготовку всей своей молодёжи для военных

целей.

И так далее *до бесконечности* [*ad infinitum*].

И даже когда Третий рейх уже покори́л и господствовал над миллионами и миллионами иностранцев, когда у него были самые мощные вооружённые силы, когда-либо созданные какой-то из наций, их лидеры всё ещё требовали «равенства».

Ни у кого не хватило смелости публично заявить, что это были дебаты в вакууме без каких-либо шансов прийти к удовлетворительному решению, потому что это так называемое равенство было не чем иным, как субъективным чувством, интерпретируемым каждым правительством в соответствии с его собственными сиюминутными потребностями.

Равенство — это идеал человеческого разума, а не то, что существует естественным образом. В природе нет такого понятия, как равенство, где более сильный всегда истребляет слабого. Только когда человек осознал, что он создание, превосходящее других животных, родилось равенство как идеал человека.

Но как идеал человека равенство всегда нуждалось в институтах, без которых оно не могло бы существовать. Первыми великими институтами, распространившими идеал равенства, были иудейско-христианские религии с их постулатом о том, что человек был создан по образу Божьему и что все люди равны перед Богом. Этот принцип, провозглашённый много тысяч лет назад, показывает единственную форму, в которой равенство может найти выражение. Это *равенство перед определённой конкретной властью, под конкретным символом*

На протяжении веков предпринималось множество попыток установить равенство между людьми в политической или социальной сфере. За одним-единственным исключением, они всегда терпели неудачу. Только Французская революция и революции в связи с ней смогли успешно установить законодательство о равенстве, гарантирующее равенство граждан *перед законом*. Такое толкование равенства — равенства перед законом — всегда было самоочевидным в английском общем праве.

Причина этого успеха заключалась в том, что отцы революции придерживались той же практики, что и отцы христианства. Они не хотели устанавливать «всеобщее равенство» между людьми, которого не существует и никогда не будет, но они хотели установить равенство в ограниченной и определённой области, в области юрисдикции, и они сделали всех людей равными перед судами, перед законом, точно так же, как христианство сделало людей равными перед символом Бога.

Во многих сферах неравенство в отношениях между людьми осталось неизменным. Всё ещё существовала разница между сильными и слабыми людьми, бедными и богатыми, мудрыми и глупыми, но перед законами государства они были равны.

Что касается общего утверждения о равенстве между нациями, то сейчас мы подошли к той стадии, когда мы должны чётко определить, что мы понимаем под равенством наций. Нынешняя интерпретация «равенства», как права делать то, что делают другие, права вооружаться в той же степени, что и другие, права обладать немного большим количеством оружия, чем есть у других (потому что в противном случае другие могли бы обладать немного большим, и,

таким образом, не будет никакого «равенства»), является настолько бессмысленной логикой, что нет необходимости тратить время на её обсуждение.

Всегда будет существовать различие между нациями, точно так же, как всегда будет существовать различие между отдельными людьми. И для культурного прогресса крайне важно, чтобы такое различие сохранялось.

Равенство наций — это такой же идеал цивилизации, как и равенство между людьми. Само по себе это противоречит природе и может быть достигнуто только с помощью соответствующей формы устройства.

Равенство без закона не имеет никакого смысла и вообще никакого морального обоснования. Это справедливо как для социальной, так и для международной жизни. Только закон делает возможным равенство, и только при наличии чётко определённых законов мы можем сделать нации, как и людей, равными.

В отсутствие закона стремление к равенству в международной жизни является величайшей опасностью и прямой причиной войн.

Без международного права стремление к равенству между нациями ведёт к вооружениям, к союзам, к коалициям. Между двумя соседними нациями одна всегда будет слабее другой. Сначала они соревнуются в увеличении вооружений. Когда эта раса достигает своего оптимума, она начинает искать союзы с другими нациями. Процесс, который повторялся снова и снова в истории, был назван поиском «баланса сил». Это всегда приводило и должно продолжать приводить к войнам.

Равенство без закона означает войну.

Единственный способ поддерживать мир в течение опре-

делённого периода без закона — это доминирование одной нации над другой, превосходство одной группы держав над другими.

Единственной возможностью поддержания мира и обеспечения равенства наций является установление закона, согласно которому каждая нация должна быть равной.

Следовательно, кардинальной точкой в определении мира является *закон*.

Только если мы решим принять международные законы, имеющие те же особенности, что и национальные законы, обязательные для исполнения всеми нациями или, по крайней мере, отдельным количеством наций, мы сможем заложить основу для мирного развития международных отношений. Любая концепция о мире без обязательного международного права является безнадежной мечтой. Критерием любой реалистичной интерпретации мира является её основа на праве.

Мир не является самоцелью. Его нельзя достичь, желая его для себя. Он является наградой за правильную и справедливую политику. Никто из тех, кто не имеет другой идеи, кроме как стать богатым или знаменитым, никогда не будет иметь шанса достичь своей цели. Богатство, слава, комфорт, безопасность достигаются не теми, кто желает их ради них самих; это награда тем, кто активен и полезен, кто производит что-то полезное для других. Они являются лишь сопутствующими результатами таланта, трудолюбия, настойчивости и креативности. Только те, у кого есть творческие идеи и кто концентрирует свои усилия на продуктивной работе, имеют хоть какой-то шанс добиться успеха в жизни.

Если мы хотим мира и ничего, кроме мира, у нас его ни-

когда не будет. Мир — это результат позитивной, созидательной и конструктивной политики. И любая позитивная, конструктивная и созидательная политика сегодня начинается с осознания того, что мы должны отказаться от тех взглядов на фундаментальные принципы международной жизни, которые оказались устаревшими, и дать им толкование в соответствии с реалиями нашего времени.

Обычное отличие национального законодательства от международного права — первое имеет принудительную силу, а второе не имеет такой принудительной силы — является чисто теоретическим определением. Оно не имеет никакой практической ценности.

«Международное право», каким мы его знаем, — это всего лишь система норм, обычаев, правил, договорных обязательств, лишённая принудительной силы. Это вообще не закон. Это игра. Называть это «законом» только ещё больше запутывать проблемы международных отношений.

Большинство наших государственных деятелей и экспертов в области права верят, что проблема мира может быть решена на основе такого «международного права». В истории это пытались сделать несколько сотен раз. Пришло время, когда мы должны осознать, что гнались за фата-Морганой.

То, что мы привыкли называть «международным правом», вообще не является правом, и важно избегать использования этого термина при описании нынешних и прошлых международных условий. Мы должны ограничить термин «право» мерами, обладающими принудительной силой. И мы сможем говорить о «международном праве» только тогда, когда установим систему норм в отношениях между нациями, имеющих такую же исполнительную

силу, как и в национальном законодательстве. Учреждение мира на основе того гипотетического международного права, которое мы знали до сих пор и которое является всего лишь обычаем или договорным обязательством, никогда не удавалось и никогда не сможет увенчаться успехом.

Не может быть мирных отношений между нациями без механизма определения случаев «правонарушений», и не может быть мира без варианта ответных мер в отношении таких правонарушений.

Только наличие закона делает определённое действие правонарушением. И только наличие закона делает определённую меру «санкцией».

Признание правонарушения и применение санкций, которые составляют основу любого законного порядка, предполагают наличие закона.

История социального прогресса показывает, что применение силы в отношениях между индивидуумами в рамках организованного государства может быть устранено только путём законодательного установления применения силы во всех случаях, когда отдельный член государства совершает незаконное действие.

Международный порядок, основанный на праве, означает именно то, что означает национальный порядок в социальной жизни. Это значит, что применение силы запрещено для индивидуума, но при определённых условиях и в определённых формах оно разрешено для общества.

Введение законного применения силы центральной властью между нациями многими рассматривается как утопия. Однако это единственное решение проблемы. Наоборот, всякая схема, предполагающая решение проблемы мира без законного применения силы в международных де-

лах, является утопической, чему определённо учит история. Это постоянно пробовали. Это никогда не работало. И это никогда не сработает.

Мир — это закон.

Закон является оправданным применением силы — принудительного предписания.

Следовательно, мир без применения силы немыслим.

VIII

Война

Центральной проблемой всех наших разногласий является, конечно, проблема войны. Эта проблема так же стара, как сама история человечества. На самом деле история человечества — это не что иное, как история войн.

За исключением убеждённых милитаристов и приверженцев современной формы язычества, представленной фашистско-нацистскими движениями, подавляющее большинство людей всех рас испытывают глубокое чувство, что война — это нечто злое, неправильное, своего рода катастрофа, и все они желают мира.

Это чувство, вероятно, так же старо, как история человечества. Но, несмотря на тот факт, что подавляющее большинство человечества на протяжении тысячелетий ненавидело войну и стремилось к миру, история показывает, что за последние столетия на этой планете было меньше лет без войн, чем лет, в течение которых некоторые части человеческой расы вели войны.

Похоже, что есть доля истины в знаменитом определении Клаузевица о том, что война — это продолжение политики другими средствами. Если мы отбросим старые времена и посмотрим на развитие последнего столетия, начиная с окончания наполеоновских войн, то становится всё яснее

и яснее, что распространение образования, науки, коммуникаций заставляет всё больше и больше людей верить в то, что война — это нечто такое, что необходимо прекратить. Ни одно правительство ни в одной из цивилизованных стран не смогло заручиться поддержкой большинства своего народа с помощью военной программы. Все правительства обещали мир. Все они должны были пообещать бороться против войны, и все они смогли втянуть свои народы в войну, только заставив их поверить, что на них напали и они просто защищались. Несмотря на это растущее стремление к международному согласию, человечество было втянуто в более разрушительные войны, чем когда-либо прежде.

Почему мы не можем остановить войны, если люди действительно хотят их прекратить?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны сначала задать другой, более простой вопрос: что такое война?

Общепринятый ответ на этот вопрос заключается в том, что война — это борьба между двумя группами людей с оружием в руках.

Если мы так понимаем войну; если мы подразумеваем под войной просто убийство людей, уничтожение собственности друг друга, борьбу за какую-то цель, тогда мы никогда не сможем прекратить войны. Если мы интерпретируем войну таким примитивным образом, то наше желание прекратить её — детская утопия. Согласно этому определению, война — это применение силы нациями, и вы не можете отменить применение силы, которое исходит из глубоких инстинктов и страстей и заложено в самой человеческой природе.

Мы никогда не были в состоянии искоренить индивидуальное преступление, применение грубой силы между ин-

дивидуумами, хотя мы пытались сделать это с самих истоков организованного общества, с зарождения религии.

Но чего мы смогли достичь в отношении индивидуальных преступлений в организованном обществе, так это прояснить с помощью определённого законодательства, какие действия считаются преступлениями, и создать необходимую организацию, законодательство, юрисдикцию и полицейские органы, чтобы свести такие преступные действия к минимуму, а через наказание за преступления создать чувство индивидуальной безопасности граждан.

Война как борьба между народами, как взрыв человеческих страстей, как динамичный фактор человеческой истории не может быть и никогда не будет прекращена.

Но если мы примем во внимание эволюцию индивидуальных убийств, воровства, боевых действий внутри организованного государства, мы не сможем согласиться на такое упрощенное определение войн, которое сегодня общепринято во всем мире.

Мы проводим очень чёткое различие между человеком, который убивает кого-то, чтобы вытащить тысячу долларов из кармана своей жертвы, и человеком, который казнит кого-то на основании юридического документа, который мы называем судебным решением. Хотя эти два деяния с биологической точки зрения абсолютно идентичны, мы обычно не называем их обоих убийством.

Такое же различие должно быть принято и чётко сформулировано в отношении процессов убийств группами людей, которые мы обычно называем войнами.

Мы не сможем прекратить войну с помощью какой-либо воображаемой организации, точно так же, как мы не смогли прекратить убийство, несмотря на всю мощь организо-

ванной полиции. Возможно, мы были бы в состоянии свести международные войны к минимуму с помощью соответствующей организации народов, точно так же, как мы смогли свести случаи убийств в цивилизованном государстве к абсолютному минимуму.

Основой такой организации должно быть чёткое и безошибочное определение того, что мы понимаем под тем видом войны, который мы хотим прекратить. Мы должны проводить различие между *законными* и *незаконными* войнами. Нашей единственной возможностью покончить с незаконными войнами, по-видимому, является принятие и легализация определённых видов военных действий, к которым нам придётся прибегнуть, если мы хотим избавиться от таких разрушительных мировых войн, свидетелями которых наше поколение становилось дважды.

Прежде всего, мы должны отказаться от всех тех примитивных идей, которым мы следовали в течение последних десятилетий, чтобы «очеловечить» войны. Это пустая трата времени и крайне наивная концепция нашего нынешнего века. До тех пор, пока войны решались и велись монархами, в основном профессиональными армиями, было возможно установить определённые «правила» для таких войн, как если бы это были поединки в школе фехтования. Но поскольку в современных войнах к всеобщей воинской повинности привлекаются целые народы, все подобные правила невыполнимы и не имеют никакой ценности. Очевидно, что в любой такой войне каждая нация применит все виды оружия, которые, по её мнению, могут принести победу в кратчайшие сроки. Таким образом, все правила, установленные различными конвенциями в отношении применения определённых видов оружия, бомбардировок

гражданского населения, ведения подводной войны, являются ничем иным, как принятием желаемого за действительное в мирное время, на что ни одна армия не обращает никакого внимания, участвуя в современной войне.

Мы могли бы предотвратить определённый тип международной войны с помощью определённой политики, законодательства и применения силы, но мы, конечно, никогда не сможем «очеловечить» войну, когда она разразится.

Такой же наивной идеей предотвращения войн является идея разоружения, которую так страстно отстаивали пацифисты с 1919 по 1935 год, вплоть до полного краха Конференции по разоружению. Полагать, что мы сможем поддерживать мир, уменьшив калибр орудий, тоннаж военных кораблей или количество обученных солдат, действительно наивно. Как будто у нас не было войн до появления 40 000-тонных дредноутов, до появления 16-дюймовых пушек и до появления многомиллионных армий.

Если мы собираемся поддерживать международное общество, состоящее из суверенных государств без какой-либо правовой организации, тогда у нас будут периодические войны, как это было в прошлом, независимо от того, какое оружие мы разрешаем им использовать, и мы можем быть уверены, что каждая нация будет использовать всё современное оружие, которое современная наука и промышленность могут предоставить им.

Мы никогда не сможем избавиться от войн путём разоружения. Разоружение может быть результатом только деятельности международной организации по предотвращению незаконных войн. На самом деле, если мы рассматриваем вооружения как причину войн, то урок, который преподает история, заключается в том, что только неравенство

в вооружениях могло поддерживать мир в течение определённого времени. Равенство вооружений всегда означало и, вероятно, всегда будет означать войну.

Один из самых ошибочных выводов, который мы можем сделать из истории, состоит в том, чтобы рассматривать мир и войну как две разные вещи, как два противоположных полюса, как два условия, которые исключают друг друга. На самом деле, они выглядят колебаниями одного и того же аспекта человеческого общества, точно так же, как холод и жара — это температура, только в разной степени. Чтобы создать температуру, наиболее подходящую для человеческого организма, иногда мы должны добавить тепла, иногда мы должны уменьшить его. При хорошо организованном международном порядке, к которому мы стремимся, нам придётся время от времени предпринимать воинственные действия, чтобы поддерживать и укреплять социальное равновесие и международное спокойствие.

Самым весомым аргументом догматических пацифистов, сторонников теории разоружения и невмешательства было то, что «вы не можете предотвратить войну, ведя её».

Это самый опасный софизм. На самом деле, единственный способ предотвратить незаконные и анархические войны — это вести определённого рода *законную* войну, точно так же, как единственный способ бороться с преступностью и снижать её уровень — это совершать те же «преступления» на законных основаниях против преступников.

Эта легализация определённого типа войн не имеет ничего общего с понятием *справедливой войны* [*Bellum Justum*], веками использовавшимся в дебатах по международному праву.

Государственные деятели и юристы привыкли называть *справедливую войну* войной возмездия, «оправданной» войной против государства, ответственного за незаконное деяние.

Этот термин является чисто субъективным понятием и не имеет практического смысла. На самом деле, все войны в истории были настолько подготовлены, что солдаты и нации, которые в них участвовали, были убеждены, что они сражаются на *справедливой войне*. Любая война любой нации велась за «правое дело», за «оправданные национальные интересы» и «в целях самообороны». Действительно, эта теория оправдывает *все войны* и, следовательно, является всего лишь софистическим аргументом, совершенно неудовлетворительным объяснением прошлых войн.

Законные войны, которые мы должны развязать, если хотим прекратить незаконные войны, предполагают существование международного законного порядка.

Они подразумевают силовые военные действия, принимаемые от имени сообщества, с ведома сообщества, для поддержания и охраны установленного законного порядка.

IX

Невмешательство

Доктрина, которая, возможно, вызвала наибольший хаос в международных отношениях, — это принцип невмешательства. Этот принцип, который настолько глубоко укоренился в умах наших государственных деятелей и дипломатов, что его можно назвать догмой, находится в таком полном противоречии со всеми проявлениями современной жизни наций, что его последствия за последние двадцать лет были катастрофическими. Эта доктрина была одной из главных причин, по которой банда беспринципных гангстеров смогла добиться высочайшей власти в Европе.

Принцип «невмешательства во внутренние дела других стран» был установлен столетия назад потомственными монархиями. Это был вопрос учтивости между джентльменами, выражающий те же чувства, которые испытывают многие родственные семейства по отношению к домашним делам друг друга. Народами правили давние исторические династии. Решения о войне и мире принимались монархами, и между великими правящими домами существовало взаимопонимание, что они не должны вмешиваться во внутренние дела друг друга. В то время это был оправданный принцип.

В период перехода от абсолютных монархий к демократическим нациям эта идея была унаследована, поскольку в интересах новообразованных демократий было, чтобы оставшиеся короли не вмешивались в их внутреннюю конституционную жизнь. Но по мере того, как шло время и развитие промышленности, торговли и коммуникаций превращало весь мир в единую экономическую единицу, этот принцип невмешательства во внутренние дела других стран превратился в фарс.

Он оказывает такое же влияние на нашу международную жизнь, какое «сухой закон» оказал на общественную жизнь Соединенных Штатов. Будучи полностью противоречащим реальности, он не только не защищает нацию от иностранного вмешательства, но и делает её предметом всех видов незаконного вмешательства.

Нет необходимости перечислять все случаи, когда, прикрываясь лицемерным невмешательством, тоталитарные державы вмешивались во внутренние дела других стран, создавали свои собственные организации, подрывали существующий социальный порядок, подкупали и коррумпировали людей и институты, провоцировали и одобряли убийства, революции и гражданские войны.

Едва ли какая-либо нация на этой планете была избавлена от этих внутренних потрясений. Но демократические страны закрыли глаза на эти факты, заявив, что это не их дело, что они ничего не могут сделать, потому что любое действие противоречило бы принципу невмешательства. И этот принцип был неприкосновенен.

Но помимо огромного числа катастроф, которые были прямым результатом «невмешательства», каковы возможности политики, основанной на этом принципе, и каково

реальное отношение внутренних дел наций друг к другу?

Давайте посмотрим на мир таким, каким он был создан и организован после Первой мировой войны. Те, кто создавал этот порядок, верили, что они заложили основу для более тесных международных отношений, для лучшего распределения богатств, для расширения международной торговли, для разоружения, процветания и постоянного прогресса. И что же произошло?

Вновь созданные государства начинали с политики «самодостаточности». Чехословакия, которая унаследовала крупные промышленные предприятия бывшей австро-венгерской монархии, была преимущественно индустриальной страной. Венгрия в том виде, в каком она пребывала, была чисто сельскохозяйственной страной. В течение многих лет чехословацкое правительство проводило одностороннюю сельскохозяйственную политику, создавая в основном искусственными средствами и субсидиями внутреннее сельское хозяйство, чтобы производить необходимые продукты питания внутри страны, в результате чего Венгрия и другие балканские страны потеряли естественный рынок сбыта своих сельскохозяйственных излишков и не смогли закупать промышленную продукцию из Чехословакии и других промышленно развитых стран. В качестве «единственного лекарства» они начали создавать, в равной степени с помощью чисто искусственных средств и государственных субсидий, новую отрасль промышленности, чтобы производить у себя все продукты, в которых нуждались их фермеры. Результатом стал рост цен и снижение уровня жизни во всех соответствующих странах.

Когда в результате мирового экономического кризиса Британия отказалась от золотого стандарта и девальвиро-

вала фунт стерлингов, Соединенные Штаты вскоре после этого были вынуждены пропорционально девальвировать доллар.

Когда началась Конференция по разоружению и демократические страны были готовы и желали сократить свои вооружения, итальянский милитаризм и усиление вооружений Германии сорвали все попытки достичь соглашения и вынудили демократические страны также перевооружиться.

Примеры можно было бы множить почти без ограничений. В каждом случае мы видим, что внутренняя политика определённого правительства или правительств — экономическая или финансовая, в трудовой или военной сфере — вынуждала другие правительства адаптировать свою собственную политику к новым условиям, созданным другими.

Богатейшая страна мира — Соединенные Штаты Америки, изобилующая производством потребительских товаров и где запасы сырья казались неисчерпаемыми, была вынуждена прекратить производство автомобилей для частного потребления, ввести нормы потребления сахара, мобилизовать всю свою рабочую силу, ограничить личные доходы, обложить налогом всю сверхприбыль, тем самым изменив самым радикальным образом американский образ жизни.

Почему?

Эти революционные перемены в могущественных Соединенных Штатах Америки, столь уверенных в своей мощи, в своём политическом и экономическом превосходстве и в своей отстраненности от «зарубежных споров», являются *прямыми последствиями* того факта, что за несколько лет до этого правительство Германии прекратило произ-

водство автомобилей для частного использования, призывала на военную службу свою молодёжь, нормировала сахар, облагала налогом сверхприбыль и ограничивала доходы физических лиц. Тем не менее, в Соединенных Штатах есть люди, которые, став свидетелями того, как внутренняя политика страны, находящейся за 4000 миль от них, непосредственно и глубоко повлияла на внутреннюю политику Соединенных Штатов и повседневную жизнь их граждан, всё ещё серьёзно говорят о невмешательстве как о «политике»!

Если одна нация проводит автаркическую политику, это нарушает всю международную торговлю и влияет на уровень жизни каждого человека в других нациях. Если одна нация вступает в гонку вооружений, то любая другая нация вынуждена тратить большую часть своего национального дохода на вооружение. Если одна нация рассматривает договор как клочок бумаги, договоры в целом теряют свою ценность. Если одна значительная нация девальвирует свою валюту по внутренним финансовым причинам, другие страны вынуждены последовать её примеру. Если одно правительство принуждает своих рабочих работать по шестьдесят часов в неделю, оно реагирует на условия труда в других странах. Если одна нация начинает воспитывать свою молодёжь на чисто милитаристской основе, все остальные нации должны готовиться к военной организации. Если одно правительство без зазрения совести использует преимущества диктатуры, все остальные страны вынуждены отказываться от всё большего и большего числа своих демократических достижений.

Внутренняя жизнь отдельных наций настолько переплетена, их влияние друг на друга настолько очевидно, что

этот взаимообмен причин и следствий является одной из немногих кристаллизаций международной жизни, обладающей характеристиками социального закона.

И этот закон, по-видимому, очень своеобразен. В некоторых отношениях он напоминает теорию предельной полезности в экономике, согласно которой цена предмета потребления определяется затратами производства для производителя, работающего в наименее благоприятных условиях среди тех, кто способен конкурировать.

Похоже, что в современной взаимосвязанной жизни наций уровень жизни, культура, условия труда, индивидуальная свобода, налогообложение, экспортная торговля, оборонная политика — всё это в значительной степени зависит от политики, проводимой в тех же областях другими нациями. И определяющим фактором является нация, живущая в самых низких моральных и наименее благоприятных экономических условиях.

Похоже, что на данной территории — безусловно, на европейском континенте, но, возможно, и на всем земном шаре — существует какой-то закон или, по крайней мере, какая-то тенденция, согласно которой среди определённого числа взаимозависимых наций все государства вынуждены приспособливать свою форму правления к наименее цивилизованной форме правления, существующей в любом из этих государств.

Х

Нейтральность

На панамериканской конференции в Рио-де-Жанейро господин Самнер Уэллес, представитель Соединенных Штатов Америки, выступая перед двадцатью одной Южноамериканской республикой 15 января 1942 года, сделал следующее заявление:

«История последних двух лет неизменно перед нами. Мы с вами знаем, что если бы в течение последнего десятилетия существовал международный порядок, основанный на законе, и были бы возможности обеспечить соблюдение такого закона, земля сегодня не подвергалась бы жестокому бедствию, которое сейчас опустошает весь земной шар. Если бы законопослушные и мирные народы Европы были готовы объединиться, когда угроза гитлеризма впервые начала проявляться, то Гитлер никогда бы не осмелился встать на свой пагубный путь. Исключительно из-за того факта, что эти нации, вместо того чтобы сплотиться, позволили себе держаться в стороне друг от друга и возлагали надежду на спасение за счёт своего собственного нейтралитета, Гитлеру удалось захватить их одну за другой, когда время и обстоятельства сделали это целесообразным».

Представитель правительства Соединенных Штатов заявил далее:

«Принцип классического нейтралитета в его узком смысле в этом трагическом современном мире больше не может быть каким-либо реальным нейтралитетом между силами зла и силами, которые борются за сохранение прав и независимости свободных народов. Гораздо лучше для любого народа славно бороться за защиту своей независимости; гораздо лучше для любого народа умереть, если потребуется, в битве за спасение своих свобод, чем, цепляясь за потрепанную фикцию иллюзорного нейтралитета, преуспеть только в том, чтобы совершить самоубийство».

Эти слова, произнесённые представителем Соединённых Штатов Америки, являются самым трагическим самоосуждением собственной прежней политики, когда-либо произнесённым правительством.

Это были именно те слова, с помощью которых Великобритания и Франция пытались убедить Соединённые Штаты Америки в тщеславии, неэффективности и бессодержательности их политики нейтралитета в течение последних лет. Это были те самые слова, которые испанское, австрийское и эфиопское правительства тщетно повторяли снова и снова британскому и французскому правительствам. Это были те самые слова, которые не были услышаны и не возымели никакого эффекта, когда чехи адресовали их полякам, поляки — скандинавам, греки — югославам, а югославы — туркам.

Сегодня, когда «политика нейтралитета» является катастрофической неудачей по всему земному шару, когда ни одна нейтральная нация — за исключением нескольких второстепенных стран — не избежала агрессии, войны и завоевания благодаря своему нейтралитету, уже не будет великой государственной мудростью признать, что нейтралитет

тет — это самоубийство.

Факт остается фактом, что ни одна нация не отказалась от своего нейтралитета в этом мировом конфликте, пока её не принудили к этому; что ни одна нация не допустила какой-либо критики своей политики нейтралитета и что ни одна демократическая держава не осмелилась притронуться к догме нейтралитета, даже *во время* войны, когда во многих случаях было очевидно, что провозглашение или признание нейтралитета являлось самым верным путём к военному поражению. Таким образом, мы стали свидетелями не только маньчжурско-эфиопско-испанского фарса во времена «мира», но и трагикомедии высадки британских войск в греческих портах на глазах у немецких дипломатов и работы британской ближневосточной штаб-квартиры в Каире под постоянным наблюдением дипломатических представителей стран «оси» на месте.

Активная помощь, оказываемая диктаторским державам в этой войне посредством принципа нейтралитета, неизмерима.

Ряд пактов о ненападении и гарантиях нейтралитета, подписанных и провозглашённых Гитлером в последние годы, таким образом, позволили завоевать все страны, которые он никогда не смог бы завоевать, если бы они были объединены, но которые он поглощал одну за другой, были величайшим триумфом обольщения со времён Казановы и Дон Жуана. Жертвы были выставлены на посмешище тем более, что каждый из них, от крошечного Люксембурга до могущественных Соединенных Штатов, глубоко верил, что к нему будут относиться по-другому и что сладкие слова Гитлера, обращенные к нему, в его особом случае были действительно искренними.

Догматическая вера в нейтралитет настолько сильна, что даже сегодня, после завоевания стольких стран исключительно благодаря их нейтралитету, многие представители этих стран, поляки и голландцы, румыны и норвежцы, защищают свою старую бесполезную политику, утверждая, что нейтралитет сам по себе был правильным, и они не могли следовать никакой другой политике, кроме той, которой они следовали.

Поскольку маловероятно, что люди извлекут уроки из опыта, каким бы трагичным и каким бы близким он им ни был, почти наверняка они снова вернутся к этой политике, если только мы не осознаем полную историческую, моральную и политическую неосуществимость принципа нейтралитета.

Идея нейтралитета восходит к тем эпохам, когда войны признавались правовыми актами политики, когда войны велись между династиями, между странами за изменение границ и колониальную экспансию. В те периоды, когда войны обычно ограничивались двумя или несколькими участниками, когда они никогда не выходили за пределы определённых географических границ, когда они велись в соответствии с определёнными принятыми правилами и обычно заканчивались переговорами и примирением, было возможно установить принцип, согласно которому определённые войны не затрагивали страны за пределами конфликта или его возможной опасности.

Но поскольку технический прогресс и промышленная эволюция превратили землю в маленькую часть; поскольку войны больше не ведутся из-за династической ревности или местных разногласий; поскольку мы ведем великую борьбу за власть, чтобы поставить землю или, по крайней

мере, основные её части под единый контроль; поскольку демократические страны пытаются организовать эту борьбу за мировую власть без кровопролития и пытаются объявить войны вне закона, называя их преступлением, нейтралитет — это не только политическая бессмыслица, но и величайшая моральная низость.

Расценивать определённые действия тоталитарных режимов как преступные и заявлять о намерении сохранять нейтралитет перед разворачивающейся драмой — полное противоречие.

Любое заявление о нейтралитете одобряет действия фашистских, нацистских и японских милитаристов, поскольку оно отображает неявно допущение, что нарушения международной морали, совершаемые тоталитарными силами, допускают позицию нейтралитета.

Что действительно отвратительно в трагических событиях последних десяти лет, так это не повторяющееся злоупотребление доверием, предательство, агрессия, жестокие завоевания и порабощение сотен миллионов людей тоталитарными правительствами, а отношение тех людей в цивилизованных христианских странах, которые обладают моральной способностью признать, что мы сталкиваемся с самыми возмутительными преступлениями, когда-либо совершавшимися на этой земле в любой форме, и которые, несмотря на осознание правды, считают себя вправе сказать: нас это не касается; мы хотим оставаться в стороне.

Каким бы ни было оправдание такому отношению, будь то страх, трусость, безразличие или слепота, с этической точки зрения не подлежит сомнению, что те, у кого хватает моральных сил признать преступление и всё же мириться с ним, более виновны, чем те, кто его совершает.

XI

Независимость

Стремление к свободе как естественное побуждение индивидуума находит свою параллель в стремлении к независимости в жизни наций. Действительно, стремление к национальной независимости является столь же мощным естественным побуждением в истории, как и стремление к индивидуальной свободе. Точно так же, как Французская революция была величайшим символическим событием в освобождении личности и провозглашении прав человека, величайшим символическим событием в обретении национальной независимости от иностранного правления была Американская революция и Декларация независимости. Эти две великие революции имели один и тот же корень и основывались на одних и тех же принципах. Декларация прав человека и гражданина и Декларация независимости были основаны на естественном праве [*«Laws of Nature»*], на определённых неотъемлемых правах, на равенстве, свободе, братстве, а также на жизни, свободолюбии и стремлении к счастью.

Стремление к национальной независимости достигло огромных успехов в девятнадцатом веке и достигло своей кульминации в мирных договорах 1919 года, когда — по крайней мере, в Европе и Америке — каждая нация, да-

же самая маленькая, стала независимой. Основным принципом порядка, созданного в 1919 году, было то, что каждая нация, независимо от её величины, имела право организовывать свою независимую национальную жизнь, как Соединенные Штаты Америки, Великобритания и Французская Республика организовали свою национальную жизнь в соответствии с принципами восемнадцатого века. Чехи, литовцы, поляки и румыны стали независимыми, и в 1920 году больше наций, чем в любой другой период истории, добились полной независимости.

Что стало с этой широко распространенной независимостью?

Двадцать лет спустя больше наций, чем когда-либо прежде, было покорено либо путём прямого военного завоевания, либо другими средствами политического господства. И этот современный вид порабощения был более безжалостным, чем любая другая форма зависимости до великих революций за свободу и независимость.

Почему было невозможно такому множеству наций сохранить свою независимость дольше, чем всего лишь несколько лет?

Ответ на этот вопрос очень прост. Полная независимость всех наций создала в международной жизни такую анархическую ситуацию, которая была бы неизбежна в любом государстве, в котором существовала бы полная свобода личности, без каких-либо ограничений, без каких-либо законов, без принуждения.

Уилсон, полковник Хауз, Масарик, лорд Сесил, Леон Буржуа и другие энциклопедические составители договоров 1919 года считали, что каждая нация была бы счастлива быть независимой и что благодаря сотрудничеству этих

независимых государств, основанному на взаимной доброй воле, мы могли бы поддерживать мир, организовывать международную жизнь и развивать человеческий прогресс. Они полностью игнорировали огромное количество мощных импульсов в человеческой природе, столь же «естественных», как стремление к свободе и независимости, которые, если их не регулировать, не контролировать и не сдерживать, приносят в жизнь «независимых» наций больше страданий, чем худший вид рабства.

Они полностью игнорировали тот факт, что политическая независимость каждого национального государства несовместима с текущими экономическими условиями. Итак, за короткий период между 1920 и 1940 годами мы стали свидетелями того, что мир, ставший безопасным для демократии, был неспособен предотвратить реакцию на демократические идеи, на идеи самоопределения, независимости и равенства, более бурную и пылкую, чем любое другое изменение в истории за столь короткий срок.

Независимость наций была табу, и ни одно независимое правительство не было готово брать на себя международные обязательства, опасаясь, что любое такое обязательство может поставить под угрозу независимость их страны. Не существовало обязательного международного права, и не было организации, которая могла бы заставить народы подчиняться такому закону. Следовательно, правительства независимых государств не доверяли друг другу и вели интриги друг против друга, точно так же, как это делали абсолютные монархи, когда они правили покоренными народами.

В каждой независимой нации доминировал глубокий, естественный импульс, который мы называем страхом и ко-

торый является корнем столь многих злых человеческих поступков. Из-за страха, взаимного недоверия и зависти, которые никогда не удавалось искоренить никакими призывами к разуму, между нациями возникали естественные конфликты точно так же, как они возникали, когда они не были независимыми. В каждом случае, когда возникал такой конфликт, независимые правительства встречались, чтобы изучить вовлечённые факторы и определить, кто несёт ответственность. Поскольку для таких случаев не существовало закона и общепринятого определения, они обменивались своими собственными субъективными мнениями, каждый, конечно же, пытался отстаивать интересы своей нации. Очевидно, они так и не пришли ни к какому практическому выводу; решение каждого из этих конфликтов откладывалось, в результате чего число и серьёзность этих конфликтов росли в геометрической прогрессии.

Одни и те же юридические лица, «представители» независимых государств, были в международной жизни законодателями, судьями и исполнителями. Идея заключалась в том, что собрание представителей таких независимых правительств должно выполнять все три функции демократической международной жизни. Эта примитивная концепция международной жизни, основанная на национальной независимости, вела от конфликта к конфликту, пока в случае итальянской агрессии в Эфиопии мировое общественное мнение не было взбудоражено до такой степени, что некоторого рода действия стали неизбежными.

Впервые была предпринята попытка применить санкции против великой державы, нарушающей независимость другого государства. Процедура была основана на таком импровизированном сотрудничестве наций. Результатом стал

полный провал. Никто не объяснил причины этого провала яснее, чем бывший президент Франции Мильеран в своей речи во французском Сенате 26 июня 1936 года. Французский государственный деятель-националист, призывающий к признанию завоеваний Муссолини, сказал: «... На самом деле причина провала санкций совершенно иная. Чтобы понять это, достаточно вспомнить, что в мире нет ни одной нации, которая согласилась бы вести войну, современную войну, кроме случая, когда затронуты её жизненные интересы, когда под угрозой находится её национальная независимость и её границы».

Эта аргументация является естественным выражением концепции независимости, которую мы утвердили в прошлом и которой большинство наших государственных деятелей придерживаются до сих пор.

Лучше всего это объяснил сенатор Бора, когда он был председателем комитета по международным отношениям американского Сената.

Сенатор от Айдахо сказал: «В этом мире есть вещи, которых следует желать больше, чем мира, и одна из них — это нестеснённая, беспрепятственная и свободная от ограничений политическая независимость этой республики — право и власть определять в любом кризисе, когда этот кризис наступает, не сдерживаемая никакими предыдущими обязательствами, будущее этой республики — это курс, которому лучше всего следовать людям этой страны. Если мир не может быть достигнут без нашего отказа от этой свободы действий, тогда я не за мир».

Следует надеяться, что катастрофа, в которой мы оказались сегодня в результате такой интерпретации независимости, заставит некоторых наших лидеров задуматься об

этой проблеме в текущих условиях, применительно к текущим веяниям и реалиям мира, и посмотреть, является ли выражение независимости, как это заложено сегодня в демократических конституциях, действительно ли помогает нам добиться лучшей жизни, свободы и стремления к счастью, ради которых оно было провозглашено.

Сегодня политическая независимость не имеет смысла без экономической независимости. И экономическая независимость, очевидно, не может быть достигнута ни одной нацией в отдельности. Мы привыкли считать, что в мире есть по крайней мере две или три крупные нации, которые могут называть себя экономически независимыми. Но нынешняя война показала, что даже Соединенные Штаты Америки, даже Советская Россия не являются экономически независимыми.

С учётом этих выявляющих фактов, доказывающих, что ни одна нация, даже самая могущественная, не может достичь экономической независимости, мы должны осознать, что на современном этапе истории политическая независимость больше не является идеалом, который может помочь нам в достижении нашей цели. Как практический институт, он разрушителен.

XII

Взаимозависимость

Каждый человек рождается в величайшей из всех зависимостей — зависимости от семьи.

В начале своей жизни каждый ребёнок совершенно беспомощен, и он полностью зависит от заботы своей матери. Он умер бы в первый же день своего существования, если бы не забота, оказанная ему родителями.

Роль отца в семье — это роль абсолютного монарха.

Каждый ребёнок — раб своей семьи. Он получает от этого свою еду, кров, одежду и должен делать то, что ему говорят родители, не имея права спрашивать почему.

Но как только ребёнок подрастает, его охватывает огромное желание стать независимым от семейных уз. Каждый человек помнит этот период своей жизни как самый беспокойный и непокорный, закончившийся разрывом семейных уз.

Едва человек становится «независимым» от семьи, как меняется всё мировоззрение. Независимость не приносит ожидаемого удовлетворения. Вместо этого она вызывает чувство одиночества, сомнения, неуверенности, страха. И через очень короткое время новые побуждения начинают терзать душу молодого человека, как реакция на его независимость: стремление к новым обязательствам, стремление к

созданию новой семьи, стремление быть членом общества, профсоюза, партии.

Новое стремление, которое переполняет каждого человека, как только он достигает зрелости, — это стремление стать взаимозависимым со своими соотечественниками.

Эта эволюция — *зависимость, независимость, взаимозависимость* — является естественным жизненным процессом, через который должен пройти каждый индивидуум.

И этот самый процесс представляет собой также этапы, через которые проходят нации в своём историческом развитии. Сейчас мы находимся на том этапе, когда полная независимость принесла наибольшие разочарования большинству наций, когда она рухнула как идеал, и когда у наций возникло своего рода ощущение ограниченности и бесплодности этого идеала.

Переходный период — это ужасный кризис в жизни нации, точно так же, как это трагический момент в жизни индивидуума. Но крайне важно, чтобы мы осознали реальную природу этого кризиса, дабы избежать его использования недобросовестными движениями, стремящимися создать новые формы порабощения наций на том основании, что национальная независимость, как идеал для человека, как она интерпретировалась в течение последних десятилетий, рухнула.

Полная независимость наций в том виде, в каком она была установлена после Первой мировой войны, породила в общности те же чувства, которые полная свобода порождает в жизни человека — чувство сомнения, чувство незащищённости и чувство страха, которые являются причиной вооружения, милитаризма и завоеваний.

Только посредством новой интеграции и взаимозависимости

мой организации наций эти побуждения могут быть преодолены, и национальная свобода и национальная независимость могут найти своё истинное выражение.

На ранних этапах становления нашего общества люди понимали, что свобода может быть практическим институтом для отдельных людей только в том случае, если она ограничена и регулируется законом. Но это свидетельство не было признано в экономической сфере. Здесь, в девятнадцатом веке и первой половине двадцатого века, мы понимали свободу как «абсолютную свободу» и долгое время считали мысли и движения, стремящиеся ограничить и организовать экономическую свободу, «антидемократическими». Результатом этого стала растущая экономическая анархия и, несмотря на постоянно возрастающее производство, растущее чувство индивидуальной экономической незащищённости, нищеты и безработицы.

Как реакция на такую абсолютную экономическую свободу, которую мы хотели сохранить, в массах возникло стремление к принуждению, лежащее в основе всех тоталитарных движений. Называть фашистские и нацистские движения «преступными» или «безумными» — это не объяснение. Они являются естественной реакцией на ложную интерпретацию концепции независимости. Как бы ни было трудно это понять свободолюбивым людям, стремление к принуждению является таким же естественным влечением человеческой природы, как и стремление к свободе, и может быть обуздано только правильной интерпретацией этого идеала.

Полная независимость наций, как мы понимали её до сих пор, не гарантирует свободу наций по той простой причине, что полная независимость наций означает не только

то, что нация может делать всё, что она хочет, но и то, что другие нации также полностью свободны делать всё, что им заблагорассудится.

Такая ситуация, далёкая от обеспечения независимости наций, является международной анархией, при которой каждая нация всегда должна быть готова к экономическому разорению или военному вторжению любой другой нации в любое время.

Поэтому очевидно, что гораздо более высокая степень независимости наций была бы достигнута, если бы определённые этапы такой полной независимости были ограничены, регламентированы и должным образом контролировались для всех них, и если бы эти ограничения и предписания применялись ко всем из них институтами, *стоящими над* всеми ними.

Оптимум национальной независимости относителен и основывается на двух факторах:

Во-первых, в какой степени нация сама по себе независима.

Во-вторых, в какой степени нация подвержена вмешательству других независимых наций.

Мы уже видели, что если нация начинает перевооружаться, все другие нации должны сделать то же самое. Если нация переходит к девальвации валюты, все страны в своих экономических отношениях должны сделать то же самое. Если нация заставляет своих работников работать по двенадцать часов в день за мизерную зарплату, никакой социальный прогресс в других странах невозможен. Если нация устанавливает диктатуру, свобода всех других стран оказывается под прямой угрозой.

Перед лицом всех этих фактов последних лет, которые

доказывают неоспоримую правильность этого тезиса, цивилизованные люди больше не должны оставаться в стороне, тогда как правительство терроризирует свой народ, преследует миллионы людей, нарушает самые элементарные законы христианской морали, сеет ненависть, перевооружается и готовится к иностранным военным завоеваниям, пока заболевание не станет неизлечимым и не приведёт к общему нарушению.

Должно становиться всё более и более очевидным, что внутренняя система страны определяет её «внешнюю политику» и что внутренний режим каждой страны оказывает прямое влияние на все остальные страны.

Наша внешняя политика по-прежнему основана на догме о том, что внутренние дела страны не касаются других стран и что международное поведение правительства — это то, что имеет значение в отношениях между нациями, а не его внутренняя политика.

Это мышление является пережитком тех старых добрых дней дипломатии среди джентльменов, когда разногласия были чисто формальными и внешними. Действительно, конституционные монархии и конституционные республики могут мирно сосуществовать бок о бок и проводить политику невмешательства во внутренние дела друг друга.

Но нации с демократической формой правления и правительства, декларируемой целью которых является повсеместное разрушение демократических принципов; нации, которые уважают договоры и подписи, и нации, которые презирают подобные формальности; нации, которые ненавидят применение силы, и нации, которые поклоняются силе — такие нации не могут мирно жить вместе, если все они являются независимыми и если их независимость никоим

образом не контролируется и не ограничивается. В такой международной ситуации война неизбежна.

Разногласия, которые разделяют человечество сегодня и которые вызвали нынешнюю войну, гораздо глубже и фундаментальнее, чем те конфликты, которые в прошлом легко разрешались с помощью поверхностных дипломатических формул.

Ненужные страдания, через которые сегодня приходится проходить человечеству, возможно, позволят организовать международную жизнь на основе взаимозависимости, которая является единственной формой, в которой мы можем найти выход из нынешних потрясений. Такая возможность предоставляется *сейчас*, во время этой всемирной борьбы, в которой участвует каждая нация, и когда каждая нация осознает, что её независимость в том виде, в каком она интерпретировалась до сих пор, не дала им национальной свободы и безопасности.

Мы не решим ни одной проблемы, называя немцев, японцев и итальянцев и их сателлитов гангстерами, гуннами¹ или обезьянами. Проблема в том, как и почему эти гангстеры, гунны и обезьяны смогли стать такими всемогущими,

¹27 июля 1900 года, во время Ихэтуаньского восстания в Китае, германский кайзер Вильгельм II в своей речи отдал приказ действовать безжалостно по отношению к повстанцам: «Пощады не давать! Пленных не брать! Подобно тому, как тысячу лет назад гунны под предводительством Атилы завоевали славу могущественных людей, которая и сейчас живет в легендах, так пусть имя Германии станет известным в Китае так, чтобы никогда снова ни один китаец не осмелился даже косо взглянуть на немца». Это сравнение позже активно использовалось антигерманской военной пропагандой союзников во время Первой мировой войны и в меньшей степени во время Второй мировой войны, чтобы изобразить немцев дикими варварами. — Прим. переводчика.

какими они стали на наших глазах. А также как и почему они смогли вызвать пожар на всей планете.

Чтобы заложить фундамент мирового порядка, при котором такие разрушения и катастрофы были бы невозможны, демократические страны должны прийти к «Декларации взаимозависимости», которая должна стать новой Великой хартией вольностей² человечества.

В этой Декларации взаимозависимости мы должны ясно изложить конкретные элементарные принципы социальной, политической и экономической жизни, которые каждая нация должна принять. Мы должны ясно заявить, что нарушение любого из этих правил и принципов повлечёт за собой немедленные действия со стороны коллективного органа других стран или любой другой коллективной международной организации.

Такое изменение в международной жизни, регулирование национальной независимости, было очевидно предвидено сторонами, подписавшими Декларацию независимо-

²Великая хартия вольностей (лат. *Magna Carta*) — политико-правовой документ, составленный в июне 1215 года на основе требований английской знати к королю Иоанну Безземельному и защищавший ряд юридических прав и привилегий свободного населения средневековой Англии; является договором между королем и баронами, по которому король обещал не брать с баронов никаких платежей без согласия «общего совета королевства», в состав которого входили бароны; среди прочего, Хартия провозглашает, что ни один свободный человек в Англии не может быть арестован, заключен в тюрьму, лишён имущества и изгнан из страны иначе как «по законному приговору равных или по закону страны» [by the legal judgement of his peers or by the law of the land], устанавливает принцип неприкосновенности личности; бароны получали законное право начать военные действия против короля, если он не будет соблюдать Хартию; в силу этого данные статьи получили название конституционных. — Прим. переводчика.

сти в 1776 году. В ней говорится: «Что всякий раз, когда какая-либо форма правления становится разрушительной для этих целей (жизни, свободы и стремления к счастью), народ имеет право изменить или упразднить её и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и организующее свои полномочия в такой форме, как им должно представляться, что это вероятнее всего окажет воздействие на их безопасность и счастье».

Этот самый небезопасный и несчастный период в истории, эта катастрофа, в которой мы оказались, настоятельно требуют, чтобы мы прислушались к советам Отцов Независимости и устранили проблему в корне.

XIII

Принуждение

На протяжении двух столетий германские народы, будь то под руководством Фридриха Великого, принца Бисмарка, кайзера Вильгельма II или Адольфа Гитлера, действовали в соответствии с германской концепцией международного права — «Сила есть право»¹. Эта доктрина была разработана немецкими философами и неизменно практиковалась немецкими государственными деятелями на протяжении последних поколений.

Эта доктрина была категорически отвергнута демократическими нациями, которые всегда считали её самым аморальным принципом.

Оппозиция по отношению к теории «Сила есть право» увела демократические страны так далеко от неё, что их концепция международной жизни была более или менее проиллюстрирована принципом, который можно было бы сформулировать как «Право есть сила» или «Право без силы».

¹Здесь и далее переведено дословно, оригинальный текст, использованный автором: «*Might is right*». В обычном употреблении также используются варианты перевода, такие как: «С позиции силы», «Сила — лучший аргумент», «Сильный всегда прав». — Прим. переводчика.

Их отвращение к силе как основе международной жизни было настолько значительным, что они *отвергли* силу и стремились прекратить насилие и принуждение во всех формах.

Трудно сказать, какая доктрина — доктрина «Сила есть право» или странная доктрина игнорирования принуждения — более ответственна за нынешнюю ситуацию в мире.

Мы всегда думали, что сила, насильственные действия, принуждение были тождественны войне, а сохранение мира означает только одно: избегание применения принуждения. В истории можно было бы привести десятки примеров, доказывающих, что свободолюбивые нации подвергались нападениям и уничтожались потому, что они не верили в принуждение и считали любое решение предпочтительнее применения силы.

Когда после Первой мировой войны была основана Лига Наций, кардинальной проблемой было должно ли принуждение быть в распоряжении Лиги. Все пацифисты были против этого, и Лига была учреждена без каких-либо положений об использовании принуждения для удовлетворения требований необходимости. Это означало, что с самого начала своего существования Лига функционировала в вакууме нереальности, без каких-либо шансов решить такие вопросы, которые не могли бы быть столь же хорошо решены без её существования.

Правительства с предельным упорством и решимостью отказывались разрешить Лиге применить принуждение. В течение 1931 и 1939 годов было по меньшей мере десять случаев, когда малейшее проявление принуждения, стоящего за резолюциями Лиги, могло бы предотвратить нынешнюю мировую войну. Благодаря самой экстраординарной

акробатике рассуждений, каким-то образом это всегда блокировалось. И когда впервые был испытан этот нереалистичный механизм Женевы, когда более пятидесяти стран гневно проголосовали за применение санкций против Италии, ведущие демократические государственные деятели заявили миру, что санкции должны быть безвредными, иначе Европа будет ввергнута в войну.

Было принято достаточно санкций, чтобы вызвать раздражение державы-агрессора, но ни при каких условиях не пропагандировались такие санкции, применение которых повлекло бы за собой применение принуждения. Сэр Сэмюэль Хор сказал: «Могут быть разные степени агрессии. Эластичность является частью безопасности». И когда в целях «сохранения мира» демократические правительства высказались за признание итальянского завоевания Эфиопии, лорд Галифакс сказал: «Какой бы великой ни была Лига Наций, цели, ради которых она существует, превыше её самой, и величайшая из этих целей — мир».

Мир был так прекрасно сохранен, и держава-агрессор была так благодарна демократическим странам за то, что они не применили против неё санкций, что менее чем через четыре года Италия объявила войну Великобритании и Франции.

Весь этот печальный опыт должен прояснить нам то, что мы должны были знать без какого-либо опыта: принуждение нельзя отрицать или игнорировать.

Принуждение есть реальность.

Если и есть какой-то закон, который можно вывести из истории человечества, так это то, что всякий раз, когда принуждение не применялось на службе закона, оно применялось против закона.

Сегодня мы боремся с чистым бандитизмом. Этот факт больше, чем что-либо другое, парализовал суждения наших демократических государственных деятелей за последние десять лет. Мы привыкли относиться к министрам, послам и представителям других стран как к джентльменам, людям с похожим происхождением и образованием на наших собственных лидеров.

Мы видели гангстеров, организующих ограбления банков, бутлегерство, похищение детей, изготовление и оборот фальшивых денег, но мы никогда раньше не видели и не могли себе представить, что банда гангстеров может завладеть всей государственной машиной и может организовать и управлять великим государством исключительно на гангстерских принципах и методах. Наши демократические политики и дипломаты были беспомощны перед лицом политиков и дипломатов, которые обладали теми же импульсами и мотивами, и которые имели те же представления об обществе, условностях и порядочности, что и обычные гангстеры. И всё же именно это и произошло.

Но почему это произошло? И как это могло случиться? Ответ заключается в том факте, что мы презирали принуждение, мы неправильно понимали принуждение, мы исключали принуждение как инструмент демократической политики. Итак, враги демократии применили принуждение — ничего, кроме принуждения!

Мы не хотели закона с принуждением; просто правила, основанные на доброй воле. Так что теперь нам приходится считаться с принуждением без закона.

До тех пор, пока мы отождествляем принуждение и его применение с войной и верим, что мир — это просто период без применения принуждения, у нас никогда не будет

мира и мы всегда будем жертвами принуждения.

Мы не можем отрицать существование дождя только потому, что бывают солнечные дни; и мы не можем отрицать, что есть ночь только потому, что в полдень не темно.

Принуждение — это реальность, которая существует. Мы не можем этого отрицать. Мы не можем называть «миром» только те короткие промежутки времени, когда случайно никто не использует принуждения. В любой период, когда насилие не проявляет себя, мы можем, в нынешних условиях, быть уверенными, что принуждение *будет* возрождено.

Только если мы *используем* принуждение, если мы ясно решим, *когда* оно должно быть применено, и если во всех подобных случаях мы увидим, что оно применяется, есть хоть какой-то шанс, что принуждение и насилие не будут применены против наших институтов, нашей свободы и нашей жизни.

Только если мы поставим принуждение на службу правосудию, мы сможем надеяться, что оно не будет использовано против правосудия. Только если мы применим принуждение для поддержания мира, мы можем надеяться, что оно не будет использовано против мира.

Критерием любой организованной формы общественной жизни является то, что вышестоящая власть имеет законное право применять принуждение, чтобы помешать отдельным членам общества применять принуждение.

Единственным способом опровергнуть доктрину «Сила есть право» является не «Право без силы», а «Право, *основанное* на силе».

Институты должны быть созданы заранее с той целью, чтобы сила применялась максимально в любое время и при

любых обстоятельствах, когда право в опасности. Как сказал Сен-Симон: «Каждое воссоединение народов, точно так же, как и каждое воссоединение людей, нуждается в общих институтах, нуждается в организации. За пределами этого всё решается исключительно принуждением».

При любом планировании будущего, на какой бы основе мы ни хотели организовать отношения между народами, условием успеха является реабилитация принуждения, признание его в качестве обязательной реальности, включение его в нашу будущую схему организации и его независимое использование в заблаговременно оговоренных случаях и в заблаговременно установленных формах.

За то, что христианство пережило двадцать столетий и существует сегодня, мы должны благодарить не только апостолов и святых, но и в равной мере рвение крестоносцев.

Пришло время, когда для выживания демократии нужны больше не апостолы, а крестоносцы, которые убеждены, что мир невыносим ни в какой форме, если он не основан на принуждении.

XIV

Агрессия

Обезопасить народы от агрессии было в течение последних двадцати лет одним из самых популярных лозунгов демократической дипломатии. Мы установили статус-кво и заявили, что никакие изменения не могут быть внесены, если они не основаны на взаимопонимании всех заинтересованных сторон. Мы «объявили вне закона» войну и заявили, что использование вооружённых сил с целью добиться изменения статус-кво без согласия другой стороны является «агрессией». Мы проповедовали, что агрессия является преступлением, и пытались объединить все другие нации (по крайней мере, в рамках Лиги Наций), чтобы они взяли за оружие на стороне жертвы агрессии. Поскольку при данных обстоятельствах не было никаких шансов на какое-либо изменение статус-кво путём соглашений, «агрессии» начались в течение нескольких лет после создания этой искусственной мировой конструкции.

В течение многих лет, особенно во время заседаний злополучной Конференции по разоружению, широко велись схоластические дебаты с целью получения «определения агрессии». Ни одно из многочисленных предложенных определений не было принято единогласно, но все эти попытки получить определение агрессии имели в основе идею

о том, что нация, которая впервые пересекает территориальные границы другой нации с вооружёнными силами, является агрессором.

Такая концепция агрессии в высшей степени неудовлетворительна и создаёт не только полную путаницу в отношении истинного происхождения и начала агрессии, но и парализует свободолюбивые и демократические нации и подвергает их величайшим опасностям.

Является ли агрессия преступлением? И если да, то почему?

Агрессия, несомненно, является тем видом человеческой деятельности, который во многих случаях на протяжении нашей истории приносил положительные результаты, подстегивал прогресс и помогал распространению цивилизации и культуры.

Прототипом актов агрессии является деятельность миссионеров. Проникновение без приглашения и взаимного согласия на отдалённые континенты с намерением полностью изменить образ жизни незнакомых людей действительно является актом агрессии. Но является ли это преступлением и заслуживает ли оно осуждения?

Крестовые походы были актом агрессии. Французская революция и завоевание Америки Западом были актами агрессии. Но можем ли мы каким-либо образом осудить эти события и назвать их незаконными или преступлением?

Представляется очевидным, что концепция, согласно которой начало применения принуждения является единственной формой агрессии и что это во всех случаях агрессия, могла бы быть правильной только в абсолютно совершенном и справедливом мировом порядке, который нико-

гда не существовал и почти наверняка никогда не будет существовать в нашем мире постоянных изменений и эволюции. Неоправданно называть агрессией любой вид насильственного акта, независимо от того, направлен ли он против невинных людей или против несправедливости.

Идея, высказанная одним из лидеров Французской революции: «Там, где есть порядок и несправедливость, беспорядок является началом справедливости», актуальна и в международных отношениях. Таким образом, первое применение вооружённых сил никоим образом не может быть удовлетворительным критерием для термина «агрессия».

Если какая-либо нация нападает на одну из наших военно-морских баз или аэродромов, мы называем это «агрессией», и мы готовы вступить в войну, чтобы защитить наши владения. Но когда наши враги нападают на принципы, на которых основана вся наша жизнь, на нашу свободу, наши семьи, наше процветание и наше будущее, мы проявляем безразличие и не доходим до того, чтобы назвать это «агрессией» и отреагировать соответствующим образом.

Англия и Франция объявили войну, когда их союзник Польша была захвачена немецкими вооружёнными силами. Соединенные Штаты объявили войну, когда японцы разбомбили американскую собственность на Гавайях и на Филиппинах. Это полностью соответствовало нашей устоявшейся политике, согласно которой война объявлена вне закона, агрессия является преступлением и что агрессия — это первые военные действия, и единственные военные действия.

Почти невозможно подсчитать, скольких жизней и скольких достояний и разрушений будет стоить нам эта

концепция.

Марш немецких армий и бомбардировки с пикирования японскими военно-воздушными силами были *n*-ным актом агрессии против демократических держав. Называть именно этот *n*-ный акт «агрессией» только потому, что он сопровождался фейерверком взрывов пороха является действительно крайне неудовлетворительным.

Эта война началась, когда Бенито Муссолини публично и торжественно провозгласил, что целью фашистской Италии является разрушение принципов Французской революции, и когда правительство Адольфа Гитлера публично и торжественно провозгласило, что для нацистской Германии «Право — это то, что отвечает интересам немецкого народа».

Именно в тот момент, если бы наши демократии действовали в соответствии с современными реалиями и если бы у нас было ясное видение реальной собственности, которую мы должны защищать, пробуждённые силы свободных народов должны были вмешаться, чтобы остановить эту агрессию.

Защита нашего образа жизни, защита наших наций и уничтожение агрессивных сил обошлись бы в то время менее чем в тысячную долю крови, пота, тяжелого труда и слёз от того, во что это обойдется сейчас.

Перед лицом этой реальности невозможно сказать, что такие вопросы, как: «Что такое агрессия?», «С чего она начинается?», «Когда мы должны начать борьбу, чтобы остановить её?» — это всего лишь теория. Фактически, от правильного ответа на такие вопросы и от правильной интерпретации таких теоретических принципов зависят жизнь и смерть миллионов людей, а также сохранение или растрата

сотен миллиардов долларов.

Вторая большая опасность поверхностного толкования агрессии — именование её просто вооружённым вмешательством — является негативным, оборонительным менталитетом, который она задействует и который она распространяет среди свободолюбивых наций.

Поскольку война объявлена вне закона, военная инициатива является агрессией, а агрессия является преступлением, демократические страны были убаюканы негативной концепцией жизни, которая может только ускорить их разрушение.

Мы проповедуем в наших школах, в наших парламентах, в нашей прессе и в наших различных религиозных и политических ассоциациях своего рода пацифизм, который так же далёк от всемирных реалий и от реальной концепции мирного существования, как заклинание от медицинской науки. Мы отказываемся признавать биологические факты, просто не называя их своими именами, и пытаемся вылечить наши болезни благочестивыми проповедями, упрямо отказываясь слушать научно подготовленных медиков и следовать их советам.

Эта странная концепция мирного существования и наша столь же нереальная концепция агрессии создали пассивную, негативную концепцию жизни среди демократических наций, которая включала в себя все проявления нашего существования. Мы ничего не хотели. У нас не было абсолютно никаких намерений, никаких идеалов, никакой цели, кроме как сохранять мир, продолжать отстреливаться и сохранить в неприкосновенности те маленькие земные владения, которые мы унаследовали. Это незнание самых элементарных сил этой планеты сделало нас неспособны-

ми не только предотвратить определённые события, но даже справиться с ними, когда они случились.

Необычайным зрелищем была та серия сражений, в ходе которых нацистская Германия разгромила одну за другой все европейские нации. Ни одна нация не обладала достаточными умственными способностями, чтобы понять, что происходит, и предотвратить её неуклонный прогресс. Это означало бы инициативу, действие, предотвращение — всё это стало бы невозможным из-за нашей негативной концепции жизни.

Жизнь отдельного человека, как и жизнь нации, — это не что иное, как постоянное действие, инициатива и борьба. Тот, кто остановится, потерпит поражение и должен уступить своё место другим. Невозможно удерживать свою позицию в этом продолжающемся прогрессе и пытаться заставить других остановиться. Концепция статичного мира немыслима, и если мы не поставим динамические силы жизни на службу нашему делу, они будут использованы другими и направлены против нас.

Мы сможем не допустить, чтобы эти динамичные силы привели к войнам, только если мы будем готовы направить их в законное русло. Но мы, конечно, не сможем остановить их простым способом — игнорируя их и пытаясь индивидуально убежать от них.

Успехи Гитлера могут быть в определённой степени объяснены правильным анализом последствий этих двух тенденций. В мире, которым почти полностью правят государственные деятели, дипломаты и гражданские служащие, полностью погружённые в статичную, негативную концепцию и оказавшиеся совершенно неспособными действовать и проявлять какую-либо инициативу, внезапно возник

необразованный преступник, не имеющий никаких знаний о международных делах, дипломатии, частном или конституционном праве, а просто обладающий простой способностью первобытного человека *действовать*. Не имея контроля над этим примитивным порывом, как это делают наши сверхобразованные, сверхосторожные государственные деятели, он всегда имел на своей стороне силу «событий», которая в тысячу раз сильнее силы аргументов.

Если мы хотим извлечь уроки из последних двадцати лет и предотвратить повторение подобных катастроф, мы должны начать с изменения этого бесплодного и пассивного отношения наших народов. Мы должны осознавать, что оборонительные меры на поле боя иногда могут быть стратегической необходимостью; в области идей оно всегда тождественно поражению.

Совершенно неудовлетворительно учить нашу молодёжь и провозглашать нашей общественности, что демократия — это лучшая форма правления, что наше дело — правое и что силы зла будут уничтожены, потому что в конечном итоге правда всегда должна восторжествовать. Такое фаталистическое отношение на самом деле является слабой защитой наших недостатков. Правильно сказать, что правое дело обычно побеждает, но мы можем проследить в истории периоды, когда «правое» дело терпело поражение на протяжении поколений и даже столетий.

Более активные и позитивные, а не более праведные, победят в этой борьбе между демократическими и тоталитарными силами. Праведность является фактором победы только в той мере, в какой она даёт нам больше веры и больше сил быть активными и позитивными.

Поэтому наши основные усилия должны заключаться в

том, чтобы вырвать из нашей общественной жизни корни этих статичных концепций обороны. Мы должны чётко сформулировать те демократические принципы в национальной и международной жизни, которые мы хотим сохранить, те принципы, которые мы хотим установить и за которые мы готовы бороться. Мы должны дать этим принципам реалистичную и понятную интерпретацию, которая сделала бы возможным их существование и их защиту.

Мы должны заявлять об агрессии при любом посягательстве на эти принципы, независимо от того, является ли это нападение военным или идеологическим. И все страны, отстаивающие эти принципы, должны в таких случаях рассматривать себя как объекты агрессии, независимо от того, является ли нападение военным или идеологическим.

Только когда мы сможем чётко определить источник агрессии против нашего образа жизни, и только если мы овладеем механизмом подавления любых подобных атак, мы создадим положение дел, которое можно было бы назвать защищённым от агрессии. В любой международной жизни, организованной на такой основе, военные действия и «вооружённый конфликт» будут сведены к минимуму, а когда они всё-таки произойдут, то столкнутся с такой же подавляющей мощью, с какой обычный преступник сталкивается в хорошо организованном городе.

XV

Превентивная война

«Вы не можете установить мир с помощью войны».

Это один из самых опасных софизмов, с помощью которых 100-процентные пацифисты внушают свою пропаганду в отношении использования силы, против применения санкций, против любого рода действий, которые могли бы предотвратить развязывание этой мировой войны.

Даже если мы называем применение силы «войной», следует сказать, что *только* такое применение силы может сохранить мир.

В чем разница между таким применением силы, которое отстаивается здесь, и войнами, какими мы их знали до сих пор?

Ответ очень прост: наличием закона.

Хотя одной из первых заповедей христианства является «Не убивай», Церковь, когда у неё была власть делать это, приговорила к смерти и казнила тысячи людей, нарушивших законы. И с момента существования национальных государств, даже в самых христианских и демократических из них, применение силы — казнь, тюремное заключение и другие формы наказания — было единственно возможной гарантией христианских или демократических принципов в человеческом обществе.

В этом нет никакого противоречия. И мы должны постоянно помнить о развитии нашей социальной организации, если мы искренне хотим найти решение нашей сегодняшней проблемы: организации международного общества.

Тот факт, что не существует принудительного международного права, создаёт ситуацию, в которой преступники, преисполненные решимости действовать, пользуются всеми свободами и преимуществами беззакония. В нынешней ситуации просто потому, что пресечение или предотвращение преступления не являются результатом применения закона, судебного решения, наказания, они в равной степени представляются нам преступлением.

На самом деле, так оно и есть. Любое наказание без закона приравнивается к преступлению. Только наличие закона создаёт разницу между преступлением и правосудием.

Поэтому первостепенную важность имеет установление принципа *законной войны* как инструмента демократической политики. Только с помощью института законных войн мы когда-либо сможем сохранить мир, и никогда — с помощью альянсов или таких утопических документов, как Устав Лиги Наций или Пакт Келлога¹.

Наиболее важной формой законных войн, которую необходимо установить, является *превентивная война*. Точно так же, как в социальной жизни превентивные меры более гуманны и эффективны; точно так же, как тенденция современной медицины направлена на предотвращение бо-

¹Келлога — Бриана пакт 1928 (*Парижский пакт*) — договор об отказе от войны как инструмента политики; получил название по именам инициаторов — министра иностранных дел Франции Аристиды Бриана и государственного секретаря США Фрэнка Келлога. — Прим. переводчика.

лезней, а не только на их лечение, в международных делах мы должны стараться предотвращать крупные вооружённые столкновения, а не ждать, пока начало военных действий станет неизбежным.

До сих пор идея превентивной войны была табуирована в демократических странах. Всякий раз, когда в демократических странах общественное мнение поднималось против поэтапной подготовки тоталитаристами этой войны, фашистские пропагандисты кричали, что демократии *хотят* превентивной войны, поэтому естественным образом они не прекратят действовать так, как они действовали, пока демократии не применят силу. И это было достаточным аргументом, чтобы обезоружить волю к сопротивлению в демократических странах и дать «умиротворителям» возможность уладить дела с врагами демократии: капитулировать, а не сражаться.

Никогда ещё война не была более нежелательной и легко предотвратимой, чем та, от которой нам приходится страдать сегодня. Каждому человеку, обладающему здравым смыслом, способному видеть, слышать и понимать, было ясно, что тоталитарные концепции были направлены на уничтожение демократических держав и на мировое господство. Ничто не могло бы быть проще для предотвращения растущей мощи наших врагов, чем проведение превентивной операции, которая до 1938 года была бы незначительной.

Не подлежит обсуждению, что политика демократических держав, заключавшаяся в пассивном ожидании момента, когда эта мировая война станет неизбежной, была ложной политикой. Но бесполезно упрекать демократические правительства за эту губительную политику. Они

действовали единственным способом, которым они были уполномочены действовать в соответствии с установленными конституциями, законами и принципами своих стран.

Сможем ли мы когда-нибудь организовать человеческое общество таким образом, чтобы войны стали невозможны и на этой планете воцарился «вечный мир», сказать невозможно. Скорее всего, достичь этого идеала никогда не удастся. Мы должны быть скромнее и реалистичнее, если хотим достичь хоть чего-то, и сделать следующий шаг в направлении этого идеала. И этот следующий шаг — предотвращение мировых войн в масштабах и с разрушительной силой Мировой войны 1914-1918 годов и нынешней.

Это может быть сделано только путём учреждения и узаконивания превентивных войн, как общепринятых демократических действий против роста и распространения антидемократических деструктивных сил, которые должны и всегда будут приводить к незаконным войнам.

Без такого института права никогда не удастся заставить демократические страны осознать серьёзность ситуации, пока не станет слишком поздно. Для простых людей призыв к бездействию всегда намного сильнее, чем призыв к действию. В критические времена в демократических странах всегда найдется подавляющее большинство, которое скажет: «Это не наше дело»; «Давайте не будем вмешиваться»; «Давайте сосредоточимся на защите нашей собственной страны, и к чёрту остальных». И тех, кто инстинктивно призывает к действию и предотвращению, всегда будут называть «разжигателями войны», несмотря на тот факт, что действие может предотвратить крупную войну, тогда как бездействие, безусловно, приведёт к войне.

Как только мы учредим такую организацию, у нас, вероятно, будет две или три войны за столетие, но они будут бесконечно малыми по характеру, их опустошение и разрушительная сила будут несравнимо меньше, и соотношение между этими законными войнами к настоящей и прошлой войнам будет таким же, как и сейчас между убийствами среди племен каннибалов и случаями убийств в современном цивилизованном государстве.

Простое введение превентивной войны в качестве законного инструмента международной политики, простая угроза его применения предотвратили бы войны в девяти случаях из десяти и сделали бы использование этого инструмента избыточным.

Единственный вид мира, мыслимый на этой планете и в нынешнем столетии, — это установление конкретных первичных правил между народами и создание вооружённых сил для автоматического и безусловного вмешательства в любую часть мира, где бы эти правила ни нарушались. Такие революционные перемены никогда не могут быть осуществлены без полного признания устаревшего порядка, выявить который могут только катастрофы, подобные нынешней мировой войне. Мы должны надеяться, что эта война донесёт правду о характере и взаимосвязи мира и войны, а также о проблемах, связанных с ними, до сознания масс, и что ясное видение лучшего будущего сформируется во время этой войны, пока продолжаются бойня и страдания. Если мы упустим этот шанс, то поколениям, возможно, придётся ждать другого.

Правосудие началось на этой земле с первой публичной казни преступника по приговору суда.

Мир воцарится на этой земле в тот день, когда впервые

группа стран начнет войну, основанную на ранее принятых принципах, против нарушителя международного права.

XVI

Утопия

Эти страницы не содержат ни одной новой идеи. Вряд ли возможно выдвинуть какую-либо действительно новую и оригинальную идею относительно политического и социального устройства мира. И, конечно, нет необходимости в какой-либо новой идее для решения наших нынешних международных проблем.

Принципы надлежащего управления были открыты столетия назад. Основные идеи, касающиеся человеческого общества, разработанные Конфуцием, Платоном, Аристотелем и, более конкретно, философами восемнадцатого века, можно рассматривать как самоочевидные. Единственная проблема заключается в их правильной интерпретации, их постоянной эволюции, их согласовании с современными реалиями и их применении через такие институты, которые могут придать им наибольшую силу и наилучшее выражение.

Все крупные конфликты, все революции и все войны происходили из-за того, что существующие институты, преобладающая интерпретация принципов и методов политической процедуры вступали в противоречие с постоянно меняющимися реалиями. Полагать в любой момент, что важна уже существующая форма, а не содержание, должно и

всегда будет приводить к катастрофам.

Трагедия человечества в том, что, как сказал Гёте, ни одно поколение не живет по законам своего времени. Нам всегда приходится нести бремя законов, институтов, правил и традиций, установленных нашими предками, чтобы правильно и адекватно выражать в своё время определённые принципы, которые в существующей форме больше не выражают эти идеалы сегодня.

Нежелание признавать необходимость перемен глубоко укоренилось в человеческой природе. Большинство людей считают, что обсуждение политических изменений преждевременно — пока оно не устарело. Любое планирование будущего, любое предвидение и ясное видение грядущих перемен они называли «утопическими».

Они не понимают, что критерием утопии всегда является попытка организовать настоящее или будущее в соответствии с образом прошлого. Все те мечтатели прошлых веков, которых мы сегодня называем утопистами, мечтали о будущем с пасторальной атмосферой. Каждый проповедовал своего рода «возвращение к природе».

Те, кто хочет только «защищать» и «консервировать», не осознают, что на самом деле они сами являются утопистами, потому что верят в возможность вечно поддерживать определённые формы и институты, не приспособливая их к постоянным изменениям этого мира.

Итак, сегодня мы видим человека, который хочет восстановить старую Римскую империю 2000-летней давности. Другой человек мечтает о восстановлении Священной Римской империи Германской нации, умершей так много веков назад. И эти люди притворяются лидерами молодёжи, пророками будущего, создателями нового порядка.

Они осмеливаются осуждать идеалы демократии и свободы личности, существующие едва ли 150 лет, как избитые и устаревшие.

Не только допотопные диктатуры, но и демократические народы управляются сегодня утопистами высшей степени, людьми, которые поклоняются «нации» и «расе», которые считают себя способными создать Лигу наций, состоящую из суверенных национальных государств, которые верят в производство материальных благ при помощи тарифных барьеров и автаркии, которые не хотят «вмешиваться» во внутренние дела других государств, которые хотят жить «изолированно» и чтобы их «оставили в покое».

Они пытаются убедить нас в том, что применение демократических идей в ведении международных дел потерпело неудачу, что свобода торговли потерпела неудачу, что Лига Наций потерпела неудачу, что Англо-германское морское соглашение (1935) и Пакт Келлога [*автор. Naval and Kellogg Pacts*] потерпели неудачу, и что, следовательно, нет никаких шансов добиться принятия демократических принципов в международных отношениях. И они приходят к выводу, что мы должны ограничить демократию во внутренних делах и свести к минимуму контакты с внешним миром.

Нелепо притворяться, что из-за того, что первая в истории попытка организовать международную жизнь на демократической основе провалилась, поскольку были нарушены Устав Лиги и другие соглашения, то принципы, которые они пытались выразить, оказались ошибочными и, следовательно, должны быть упразднены.

На заре человеческой цивилизации было сформировано несколько примитивных правил, которые рассматрива-

лись как *непременное условие* [*conditio sine qua non*] любой общественной жизни и которые назывались Десятью заповедями. На протяжении двадцати столетий самые могущественные организации, представленные Церковью и государствами, делали всё возможное, чтобы эти примитивные принципы Десяти Заповедей соблюдались повсеместно. Чтобы осуществить эту цель, государства и Церковь имели в своём распоряжении такие средства, как эшафот, полиция, анафема, армии, дьявол, тюрьма и ад. Несмотря на все эти разнообразные материальные и духовные меры принуждения, и по прошествии двадцати столетий в самых высокоцивилизованных и самых христианских странах мира не проходит и дня, чтобы не происходили убийства, кражи и прелюбодеяния.

Стал бы кто-нибудь утверждать, что из-за того, что убийцы и воры всё ещё существуют после стольких столетий попыток покончить с ними, Десять заповедей оказались бесполезными, неприменимыми и, следовательно, должны быть упразднены?

Но есть огромное количество людей, которые выдают себя за государственных деятелей и которые серьёзно заявляют, что поскольку первая в истории человечества попытка организовать международную жизнь по определённым принципам провалилась, эти принципы неприменимы, неэффективны и должны быть отброшены.

Сегодня практически не публикуется политических статей, которые не начинались бы следующими фразами: «Техническое развитие делает мир всё меньше и меньше. Расстояния исчезают, и люди и народы живут всё ближе и ближе друг к другу. Такое развитие техники превращает тарифные барьеры, национальные антагонизмы и войны в анахро-

низм и автоматически делает невозможным ведение войн».

Этот вывод является не полной правдой. То, что эволюция техники сближает людей и континенты — это верно, но такое географическое и физическое «сближение» может иметь два последствия: (1) политическое и экономическое сближение или (2) схватки и разногласия, более разрушительные, чем когда-либо, именно из-за тесного соседства людей друг с другом. Какой из этих двух вариантов возникнет, зависит от вопросов по сути нетехнического характера.

Ещё одна причина, почему перемены, через которые мы проходим, столь болезненны, заключается в том, что новаторский период индустриализма закончился. Производство текстиля или строительство железных дорог больше не является большим личным достижением. Сто или даже пятьдесят лет назад эти начинания требовали большого личного риска, дерзкой личной инициативы, изобретательности, храбрости и решимости бороться. Но сегодня промышленная деятельность превратилась в более или менее рутинную, административную работу.

Мы видели, как Россия за двадцать лет построила промышленную организацию, на создание которой Англии, Соединенным Штатам и Германии потребовалось более столетия. Это «чудо», несомненно, вскоре повторится в Индии и Китае. Мы не можем остановить эту эволюцию и не можем пытаться искусственными средствами сосредоточить промышленную мощь в руках определённых людей, определённых корпораций или определённых наций. Такая попытка почти наверняка приведёт к взрывам.

Статичная концепция поддержания статус-кво — любого статус-кво — и примитивные инстинкты тех наций, ко-

которые не удовлетворены данным статус-кво (а такие неудовлетворенные нации всегда будут) и вносят изменения силой — это не две разные политики, а две стороны одной и той же политической концепции.

И та, и другая ложны. Обе политики должны приводить от одной войны к другой, потому что они не делают ничего, кроме как увековечивают тенденцию, которой человечество следует с незапамятных времён.

При планировании лучшего ближайшего будущего крайне важно предотвратить формирование таких жёстких конструкций, которые через одно или два поколения могут стать такими же реакционными и устаревшими, как большинство наших нынешних институтов.

Те, кто отказался от идеалов экономической свободы, в течение некоторого времени пропагандировали плановую экономику, контролируемую государством. Благодаря таким различным национальным плановым экономикам экономическая конкуренция и анархия стали только хуже, чем когда-либо, потому что суверенные единицы, участвующие в этой конкуренции, намного могущественнее, чем были отдельные индивидуумы. Совершенно очевидно, что ни одна экономическая проблема не может быть удовлетворительно решена, если планирование будет оставаться суверенной компетенцией *многочисленных* национальных правительств.

Ещё более важно предотвратить формирование таких жёстких политических конструкций, которые только усугубили бы и расширили будущие конфликты. В качестве средства достижения цели региональные решения могут быть незаменимы, но было бы опасно полагать, что такие решения, как Пан-Европа, Пан-Азия или Пан-Америка,

решат наши международные проблемы на более чем очень короткое время.

Что могло бы произойти, если гипотетически предположить то, что мы могли бы организовать мир на пяти или шести таких крупных политических единицах, не меняя фундаментальных принципов международных отношений, мы можем ясно видеть в работах сторонника Панъевропейского союза.

Граф Куденхове-Калерги в своей книге *«Европа просыпается!»*¹ пишет следующее: «Европа должна при любых условиях отказаться от роли мирового полицейского. Международная армия или военно-воздушные силы, охватывающие и другие континенты, будут больше угрожать европейскому миру, чем защищать его. Китайский вопрос может привести в ближайшие годы и десятилетия к величайшим конфликтам в Восточной Азии, которые Европа не сможет предотвратить, но в которые Европа будет втянута, если не сохранит строгий нейтралитет... Пан-Европа требует европейской армии для защиты Европы и обеспечения безопасности европейского мира, но она отвергает армию Лиги, которая не гарантировала бы этот мир, но которая угрожала бы ему».

Это дословное повторение аргументов самых ярых изоляционистов, сторонников невмешательства и нейтралитета, с той лишь разницей, что это заявлено от имени территории, несколько большей, чем Франция, Германия или Испания, но меньшей, чем Соединенные Штаты, Бразилия или Россия. Трудно понять, почему панъевропейская политика невмешательства в Китай была бы более мудрой, чем англо-французская политика невмешательства в Испа-

¹ Coudenhove-Kalergi: *Europa Erwacht*, page 178. — Прим. автора.

нии; почему строго панъевропейская армия лучше защитила бы Европу, чем строго американская армия была способна предотвратить нападение на Соединенные Штаты, и почему «строгий нейтралитет» Пан-Европы в предполагаемом дальневосточном конфликте был бы более высокой моральной позицией, с точки зрения международной жизни, чем «нейтралитет» Франции и Англии проявленный во время чехословацкого кризиса.

В колоссальных политических структурах нет никакого спасения в отсутствие разъяснения и безошибочной интерпретации тех первичных принципов, на которых должна основываться *любая* форма международного порядка.

Пренебрежение этой элементарной необходимостью также стало причиной провала Лиги Наций. Устав был, по сути, международным документом, но его подписантами были суверенные национальные государства. В здании Лиги Наций царила интернациональная атмосфера. Лига была своего рода аристократическим клубом, где периодически собирались одни и те же несколько сотен государственных деятелей и те же несколько сотен газетчиков. Было замечательно, что у них было место встречи, что они могли обмениваться своими мнениями. Но на родине ничего не изменилось. В каждой стране всё образование продолжало носить националистический характер. Пресса оставалась националистической. Администрация и правительство оставались националистическими.

Было наивной утопией полагать, что представители и функционеры таких националистических государств могли бы путём периодических встреч добиться лучшего международного взаимопонимания. Это было всё равно что начинать строительство нового здания с крыши. Есть толь-

ко один способ строить, и это начинать с фундамента, даже если строительство таким способом потребует более длительной работы.

В политике очень важно отличать возможное от невозможного, реальность от утопии. Утопию никогда нельзя охарактеризовать по её существу. Двумя характерными чертами любой концепции утопии являются (1) желание спроецировать прошлое в будущее; (2) вера в то, что технические достижения могут сделать человеческую природу лучше и добрее.

Мы всё ещё далеки от понимания точного научного механизма социальной и экономической жизни. Но эксперименты последних двадцати лет достаточно убедительно доказывают, что политика недалеко от математики, и что у нас нет никаких оснований ожидать, что если мы будем достаточно долго стараться, то сможем получить пять, сложив два и два.

XVII

Принципы и институты

Мы всегда должны иметь в виду, что любые теоретические системы человеческого общества не только неосуществимы и никогда не существовали, но и *в целом* [*in toto*] представляют собой невозможность, такое положение дел, при котором было бы невыносимо жить. Реальная жизнь в любой момент истории всегда была «переходным периодом», содержащим множество элементов различных систем прошлого. Ни одно радикальное изменение, ни одна революция никогда не были способны достичь большего, чем часть своей программы, из которой жизнь синтезировала многие элементы прошлого.

Что требуется, так это не детализированная и сама по себе закрытая система будущего, а чёткое понимание основных принципов, которые указывают нам дорогу, ведущую в верном направлении.

Будет ли следующим шагом новая Лига Наций, региональные группировки, континентальные организации, союз англоязычного мира или мировое правительство, имеет второстепенное значение. Существенным фактом является то, что мы понимаем, что означают принципы демократии в терминах двадцатого века, и что на их основе должен начаться процесс *международной интеграции*.

Следуя этой естественной эволюции, любая из вышеупомянутых конструкций помогла бы нам сделать большой шаг вперед.

В какой-то международной хартии мы должны подтвердить принципы Великой хартии вольностей, Декларации независимости, Билля о правах и Декларации прав человека и гражданина. Каковы эти основные принципы демократии? И каково их значение в середине двадцатого века?

Первое: Право на свободу. В первоначальных документах было чётко определено, что свобода заключается в «способности делать всё, что не ущемляет свободу другого». В переводе на международный язык это означает, что каждая нация должна быть свободной и независимой, но только в той мере, в какой возможность осуществления этого права не наносит ущерба свободе и независимости других наций. В настоящее время эти ограничения национальной независимости и национальной свободы не существуют и не определены, а без такого определения свобода и независимость наций бессмысленны. Они приводят только к войнам.

Второе: Согласно первоначальным хартиям демократии, равенство означает, что закон должен применяться в равной мере к каждому индивидууму, независимо от того, защищает ли он человека или наказывает его. Переведённый сегодня на международный уровень, этот принцип означает, что все нации должны быть равны перед законом. При том, как устроен мир сегодня, международного права вообще не существует, а без такого закона «равенство» наций бессмысленно и ведёт только к войнам.

Третье: Первоначальные хартии демократии гарантируют каждому человеку право на безопасность и утвержда-

ют, что безопасность является результатом сотрудничества всех для обеспечения прав каждого. В отношении международного применения это означает, что безопасность каждой нации может быть результатом только сотрудничества всех других наций для обеспечения прав каждой из них. Это определение явно ставит вне закона такие концепции, как нейтралитет или невмешательство, которые никогда не смогут обеспечить безопасность ни одной нации и которые противоречат сути основных хартий демократических принципов. Мы видели, как пренебрежение первоначальной концепцией безопасности, как нейтралитет и невмешательство привели каждую нацию, которая верила в них, к войнам и разрушениям.

Четвертое: В первоначальных хартиях демократии говорится, что суверенитет, по сути, принадлежит сообществу — всеобщности граждан. В них прямо говорится, что ни один человек и ни одна группа лиц не могут осуществлять суверенную власть. Как мир организован сегодня, очевидно, что суверенитет заключается не во всеобщности граждан, а в том, что вопреки духу первоначальных хартий демократии суверенные права осуществляются группами индивидуумов, которых мы называем «государствами».

Существование нескольких сотен суверенных государств, осуществляющих суверенную власть, находится в полном противоречии с демократической концепцией суверенитета, которая должна основываться на сообществе. Поэтому крайне важно осуществить разделение властей в этой области, вернуть сообществу абсолютный суверенитет и предоставить отдельным нациям и отдельным государствам только такую суверенную власть, которая имеет своим источником всеобщий суверенитет.

Это первые шаги на пути к конституционной жизни в мировых делах. В Декларации прав человека и гражданина говорится: «Любое общество, в котором не обеспечены гарантии прав или не определено разделение властей, вообще не имеет конституции».

Что касается обязанностей отдельных наций друг перед другом и перед сообществом, то это также было ясно выражено в великих демократических хартиях мыслью о том, что любой, кто нарушает закон, объявляет себя находящимся в состоянии войны с обществом.

Эти принципы должны быть разъяснены и систематизированы *сейчас*, во время этой войны. Они должны быть написаны золотыми буквами на наших флагах; они должны стать душой наших солдат; они должны быть на всех длинах волн.

Наша победа должна стать победой этих новых принципов, на основе которых мы сможем построить новое и лучшее мировое общество. Эти принципы и обещание того образа жизни, который они нам предлагают, являются нашим самым мощным оружием. Это единственное оружие, которое может придать достаточную огневую мощь нашим бомбардировщикам, танкам и военным кораблям.

Провозглашение этих принципов нельзя откладывать, они будут обсуждаться после *победы*. Они — крылья, они — единственное историческое оправдание нашей грядущей победы.

В истории всегда во время войн происходили крупные революционные перемены. Мы должны сформировать аморфные массы на пяти континентах сейчас, прежде чем они снова затвердеют в форме, противоречащей нашим представлениям.

Мы должны действовать сейчас, во время нынешней войны, потому что никакая военная победа не может дать нам гарантии того, что она приведёт к созданию разумного мира. Только политическая победа может сделать это. И мы никогда не сможем одержать политическую победу, не ведя политическую войну одновременно с военной войной.

Одной из величайших трагедий нашего времени было то, что демократические нации и демократические правительства не осознавали — и до сих пор не осознают — того факта, что идёт гигантская политическая борьба, одним из симптомов которой является военная война.

Мы должны возглавить человечество в соответствии с историческими потребностями, иначе мы потеряем лидерство. Сейчас мы находимся в эпицентре политической и социальной революции, в которой международная война является лишь одной частью. Мы должны быть крестоносцами новых идей. Мы не должны продолжать оставаться защитниками бесполезных систем прошлого, восстановление которых на протяжении всей истории всегда доказывало свою утопичность.

Отмена международного и экономического партикуляризма является исторической необходимостью. Результатом этой войны станет ограничение национальных суверенитетов и начало процесса международной интеграции.

Эти события могут происходить в двух формах: либо по взаимному согласию между доселе независимыми и суверенными нациями, либо путём насильственного навязывания.

Если новый демократический порядок должен быть создан принудительным путём — а согласно историческим прецедентам, скорее всего, так и будет, — тогда важно, что-

бы англо-американские нации взялись за эту задачу. Они должны предпринять это не только потому, что от надлежащего переустройства мира будет зависеть выживание их собственных демократических институтов и само существование их народов, но и потому, что последние несколько столетий доказали, что на нынешнем этапе истории человечества англо-американское превосходство означает общий прогресс для всего человечества, тогда как все попытки доминирования со стороны любой другой потенциальной мировой державы всегда означали противодействие в отношении к демократической эволюции.

Демократические страны должны отказаться от своих статичных и оборонительных концепций и проникнуться динамичным духом атаки и завоевания. Только идеалы и принципы могут добиться этого.

У нас не будет победы, если мы хотим только, чтобы нас оставили в покое и чтобы мы защищали то, чем обладаем. Если демократические народы действительно ценят свои принципы, дорожат своей свободой и преданы своему образу жизни, они не могут принять или мириться с установлением по соседству с ними политических и социальных концепций, представляющих собой полное отрицание их собственных принципов. Они должны обладать железной волей, чтобы распространять свои идеи по всему миру и бороться с врагами своих концепций и идеалов, где бы они ни находились. Мы не можем выиграть эту войну за демократию без убеждённости.

И есть только один критерий подлинной убеждённости — желание распространять её.

Если мы обеспечим соблюдение законов, гарантирующих свободу человека повсюду, и разъясним, что это за

свободы, предусмотрев в одних и тех же законах ограничения и защиту этой свободы; если мы сможем разъяснить, с помощью каких ограничений мы можем получить реальную свободу слова, свободу печати и свободу собраний; если мы соблюдаем принципы международных отношений, которые идентичны принципам взаимоотношений между отдельными людьми в демократическом государстве; если мы провозгласим взаимозависимость наций, ограничим национальный суверенитет, объявим нейтралитет вне закона и создадим организацию, обладающую силой для защиты этих принципов, для судебного преследования и наказания любой нации, нарушающей установленные законы и принципы, — тогда не будет иметь большого значения, какие внешние формы принимают нации или группы наций.

Наша цель не должна быть в том, чтобы уничтожить разнообразие в этом мире. Культурное и традиционное разнообразие, существующее между разными нациями, является величайшим шармом нашего существования. Наша цель должна заключаться лишь в том, чтобы не допустить вырождения этого разнообразия в вооружённых конфликтах, направить вечную борьбу за жизнь в более цивилизованное русло и создать политический порядок, который, наконец, сделает возможным решение экономических и социальных проблем нашего *века*.

Это выглядит так, как если бы политическое единство было единственной возможностью сохранить и обезопасить культурное разнообразие.

Исход этой войны и развитие событий в наступающем столетии в значительной степени будут зависеть от того, кем и при каких условиях будут заложены эти основы об-

новлённого демократического мира. Большим препятствием для мирных и свободолюбивых наций является то, что сегодня ими руководит правящий класс, полностью лишённый дальновидности, таланта, силы воли и способности к действию. Весьма сомнительно, что те люди, которые потеряли мир и кажутся неспособными понять истинное значение и характер этой мировой войны, смогут создать новый мировой порядок, превосходящий прошлый.

Отбор лидеров — важнейшая проблема любой демократической организации. Как этот сложный механизм работает сегодня, кажется, что качество государственного управления, дальновидность, мудрое лидерство, самопожертвование и способность к действию существенно отличаются от качеств, необходимых для получения власти.

Вопрос о персонале чрезвычайно важен, поскольку человек — это начало и конец социальной жизни, и, в конечном счёте, каждая идея, учреждение и административная должность представлены людьми. С самого зарождения демократических обществ идеалом было то, что самый способный человек, независимо от ранга, богатства и происхождения, должен найти свой путь к вершине. Предполагалось, что всеобщее голосование станет правильным путём, ведущим к этой цели.

Если мы изучим досье тех людей, которые пришли к власти таким образом и которые имели влиятельный голос в формировании общественной жизни в течение последних лет, у нас могут возникнуть обоснованные сомнения в том, является ли нынешний метод выдвижения кандидатов и избрания в законодательные органы и правительства достаточно избирательным, чтобы гарантировать наилучшее возможное лидерство. Существует слишком много случаев,

когда вскоре становилось очевидным, что тем, на кого была возложена ответственность за формулирование и управление нашими делами, не хватало элементарных знаний о проблемах, с которыми предстояло иметь дело, и они не обладали основными качествами лидера.

В любой другой области человеческой деятельности для любого продвижения необходимы определённая способность к рассуждению и определённое элементарное знание фактов. Среди астрономов могут существовать сотни различных взглядов на устройство Вселенной. Все эти расходящиеся точки зрения должны свободно и тщательно обсуждаться учеными в университетах и академиях. Только посредством такого свободного обсуждения может быть принята истинная и точная теория и определены надлежащие авторитеты. Но если бы кто-нибудь в таких дискуссиях утверждал и упорствовал в мысли, что земля — это не шар, а плоская тарелка, окружённая водой, и что она не вращается вокруг солнца, а что солнце вращается вокруг земли, ему не разрешили бы преподавать в университетах, он бы не получал академических наград, и уж точно не считался бы научным авторитетом.

Никому не покажется, что отстранение такого явно неквалифицированного человека от должности профессора в университете противоречит свободе науки и антидемократично. Это просто общепринятый факт, что дискуссия, которая всегда должна оставаться свободной ради научной истины и прогресса, выше тех границ, которые он старается сохранить и чему учит, и что никого, придерживающегося таких взглядов, нельзя воспринимать всерьёз.

Существуют тысячи проблем, касающихся строения человеческого организма, и эти проблемы должны свободно

обсуждаться во всех медицинских кругах. Каждое мнение должно быть выражено и изучено с предельной тщательностью и вниманием. Только таким образом лучшие умы медицинской науки смогут выйти на передний план и конструктивно помочь в борьбе с болезнями. Но если бы в таких медицинских дискуссиях кто-то стал утверждать и стойко отстаивать своё утверждение о том, что в человеческом теле не существует такой вещи, как кровообращение, никто ни на одном собрании представителей медицинской науки не стал бы его слушать. Вполне естественно, что на него будут смотреть как на невежду. И он тщетно настаивал бы на том, чтобы ему разрешили стать профессором медицины на том основании, что свобода слова и свобода науки дают ему право проповедовать эти взгляды.

Эти принципы отбора универсальны во всех сферах человеческой деятельности, за исключением политической.

Однако здесь проблемы, с которыми приходится иметь дело, являются самыми сложными и существенно влияют на саму жизнь сотен миллионов, мы всё ещё прислушиваемся к людям, которые считают, что такие понятия, как нейтралитет, изоляция, невмешательство и т.д. и т.п., могли бы стать предметом серьёзного общественного обсуждения. Это такие же мёртвые концепции, как представления о земном шаре до Коперника и теории о крови до Гарвея.

Мы должны скорректировать нашу нынешнюю систему избрания представителей и правительства и должны требовать, чтобы тот, кого мы посылаем в законодательное собрание, обладал не только яркой личностью, влиятельными друзьями и ораторскими талантами, но и определённым минимумом знаний об общественных делах и демократических принципах.

Исправление и ограничение таким образом нашей нынешней системы свободных выборов не только не нарушило бы демократический принцип свободного голосования, но и дало бы гораздо лучшую возможность людям осуществить своё демократическое право на избрание, доверив представительство таким людям, которые действительно представляют демократические идеи.

Критерием демократии не может быть то, что человек с антидемократическими идеями должен иметь возможность быть избранным. Только люди с правильным представлением о современном мире и с достаточно глубоко укоренившимися демократическими убеждениями могут привести нас к следующему шагу: к основанию демократической международной жизни.

Скептики, очевидно, спросят, кто будет судьей, кто гарантирует, что такими ограничениями свободы слова, свободы собраний, свободы прессы злоупотреблять не будут. И кто будет судить о том, обладают ли люди, которые будут избраны, необходимыми качествами для демократического руководства. Ответ прост:

Время от времени, естественно, будут происходить злоупотребления, поскольку не существует возможной организации общества, совершенной в абсолютном смысле.

Во многих случаях единственным возможным способом вылечить смертельную болезнь является применение терапевтических мер, которые, преодолевая недуг, в большей или меньшей степени воздействуют на другие органы тела, не затронутые болезнью. Тем не менее, это единственный признанный метод лечения, который не оспаривается никакими органами власти. Никто также не оспаривает срочную необходимость хирургических операций, несмотря на

полное осознание рисков, с которыми они могут быть связаны.

Мы пришли к заключению, что нынешняя интерпретация демократических принципов и некоторых демократических институтов в том виде, в каком они функционируют сегодня, представляет смертельную опасность для самой демократии и стала прямой причиной разрушения демократии в большинстве стран. Поставив правильный диагноз, мы должны предпринять необходимые радикальные меры и реформы, даже если, спасая само существование демократии, мы несём определённые неизбежные риски.

Но нет никаких оснований опасаться, что такие злоупотребления будут сколько-нибудь значимыми. Как только будет введено в действие надлежащее демократическое законодательство — национальное и международное, нет никаких оснований полагать, что независимые суды не смогут надлежащим образом и в демократическом смысле справляться с ситуациями.

Невозможно сказать, можно ли вообще когда-нибудь прекратить «войны». Вероятно, этого никогда не будет. Но этот тип войн — войн между нациями, отделёнными друг от друга искусственными границами, — может быть отменён, как только определённые части суверенитета, осуществляемого сегодня этими нациями, будут переданы вышестоящему органу. Религиозные войны были прекращены только тогда, когда народы начали осуществлять свои суверенные права независимо от церквей.

Из всех этих существующих тенденций вытекает революционный принцип предоставления частичного суверенитета национальностям на *негеографической* основе.

Территория как основа для национальных суверенных

государств, над которыми правят центральные правительства, была возможна только для великих наций с компактной и единой национальностью. Быстрый крах системы 1919 года доказывает невозможность организации малых наций в независимые государства на территориальной основе, где национальности смешиваются. Поправка законодательства о меньшинствах обернулась полным банкротством.

Та часть мира, в которой новая форма объединения является категорической необходимостью и должна быть предпринята попытка, — это та часть Европы, которая находится между Германией и Россией, Балтикой и Средиземноморьем. В этой части Европы, откуда проистекает большинство причин войн и где около двадцати наций живут в такой взаимопроникающей форме, что между ними невозможно провести национальных границ, формирование государств, основанных на национальности, абсолютно невозможно.

Единственным решением, приемлемым для всех вовлечённых национальностей, по-видимому, является формирование независимых национальных правительств в Варшаве, Праге, Будапеште, Белграде и всех других столицах, правительств, которые должны обладать властью не над определённой ограниченной территорией, а над определённой национальностью, независимо от территории, на которой они проживают. Естественно, суверенными правами в финансовых, военных и иностранных делах должно было бы заниматься выбранное ими федеральное правительство. Но в любом культурном и национальном вопросе румын, серб и венгр, живущие в одной деревне, должны быть в состоянии быть верными национальным правитель-

ствам Румынии, Сербии и Венгрии.

Аналогию этому решению можно найти в религиозных войнах, когда страны с различными религиями вели войны друг против друга до тех пор, пока превосходящая власть не позволила католикам, протестантам, мусульманам, православным грекам, баптистам, евреям и всем остальным следовать правилам своих собственных церквей без необходимости убивать друг друга по этой причине.

Другой важной частью мира, где формирование национальных суверенитетов на негеографической основе могло бы стать решением многовековой борьбы, является Индия.

Правительства различных конфликтующих стран, которые борются за престиж, власть, национальную независимость, равновесие и многие другие иллюзии, похоже, забывают, что, помимо всего этого, люди также хотят есть. Итак, после невероятной эволюции промышленного производства сегодня больше миллионов людей страдают от голода и нищеты, чем когда-либо прежде.

Нацизм и фашизм — это всего лишь симптомы мирового кризиса и упадка определённой системы, которая больше не имеет ничего общего с нынешними условиями. Если мы хотим продолжать массовое производство и делить этот крошечный мир на сотню водонепроницаемых отсеков, если мы хотим продолжать быть «независимыми», «суверенными», «нейтральными» и кем бы то ни было ещё, у нас будут войны, войны и войны.

Если мы верим, что «демократия» — это система, которая *была* у нас в прошлом, и если мы хотим продолжать верить в те же устаревшие концепции, которые были всего лишь выражением первой попытки демократического порядка, установленного на основе реалий восемнадцатого

века, то такая демократия будет разрушена подобно гнилое дерево во время бури.

Демократия не является и никогда не сможет быть закрытой жёсткой системой. Это её смерть. Любая закрытая жёсткая система должна приводить к войнам, революциям и диктатурам. Демократия нуждается в постоянной настройке. Её институты требуют постоянного обновления. Таким образом, демократия не может быть определена какой-либо системой институтов, существующих или подлежащих созданию.

Демократия — это атмосфера, единственная атмосфера, в которой современный человек может жить, процветать и прогрессировать.

Политическая организация, которая требуется для решения проблем войны и мира, свободы и рабства, является не отдалённой целью, а насущной необходимостью. Мы не можем терять много времени. Фундамент должен быть заложен сейчас, во время этой войны.

На самом деле, установление демократического миропорядка — это не что иное, как самое начало реальной работы, которую нам предстоит проделать: решение социальных проблем, проблем производства, распределения и потребления, проблемы общего повышения уровня жизни человеческой расы.

Только если мы будем иметь в виду эти огромные социальные и экономические проблемы, мы сможем увидеть стоящую перед нами политическую задачу в её реальной перспективе; это может придать нам смелости взяться за неё без промедления и решить её сейчас.

Если мы не сможем принять решение о создании сейчас единственно возможной политической структуры нашего

времени, у нас не будет шанса решить ни одну из тех проблем, которые на самом деле являются реальными повседневными проблемами каждого мужчины и женщины и которые должны быть главной задачей всех правительств нашего времени.